

Скалолазка

Автор:

Олег Сеницын

Скалолазка

Олег Геннадьевич Сеницын

Скалолазка #1

Алена Овчинникова, сотрудница московского архива, переводчица с древних языков и скалолазка, приезжает на археологические раскопки в Турцию, где случайно становится обладателем бронзового перстня, указывающего путь к могущественному артефакту древней цивилизации. Некая таинственная организация, возглавляемая человеком по имени Бейкер, всеми силами пытается заполучить бесценный артефакт. Казалось бы, отобрать перстень у девушки легче легкого. Только враг не учел, что у этой русской хватка как слесарные тиски, стальной характер, а желание добиться правды такое невероятное, что она пойдет хоть на край света – через скалы Турции, небоскребы Франкфурта, лабиринты Средиземноморья. Ну а если кто-то посмеет тронуть ее близких – тому вообще не сносить головы!..

Олег Сеницын

Скалолазка

Часть I

Турецкий капкан

Глава 1

Сюрпризы, которые не всегда бывают приятными

Автор благодарит за помощь и поддержку Алексея Калугина, Алексея Лебедева и, конечно, великолепный дуэт Г. Л. Олди.

Все началось с того, что меня не встретили. Обычно не успеешь получить багаж, а в холле уже стоит араб или жуткий африканец с табличкой «Встречаю мадам Овчинникову», на улице поджидает внедорожник, в котором предстоит трястись несколько часов, чтобы добраться до места назначения. Так вот в этот раз – никого!

Я прождала, наивная, часа полтора. Нет бы догадаться, что случилось неладное, и взять обратный билет. Впрочем, не для того я летела три часа в Измир, чтобы сразу вернуться. Тем более прилетела зарабатывать деньги. Полторы тысячи «зеленых» в сутки. Это моя ставка. Да-да. Не падайте со стула. Не так и много, как кажется на первый взгляд. Доморощенные математики, наверное, уже прикинули, сколько это будет в месяц, а уж в год... Вот только работаю я за такие деньги в месяц не более полутора дней. Остальное время получаю бюджетную зарплату.

Когда в животе заурчало от голода, а встречающие с табличками, на которых отсутствовала моя фамилия, рассосались, стало понятно, что за мной никто не приедет.

Такого еще не случалось! Уж если выписывали меня из Москвы, то обязательно встречали, добротнo кормили и везли на раскопки. Во многих странах я побывала, но обычно следовала по маршруту самолет – машина – раскопки – машина – самолет. Никаких промежуточных остановок. На обратном пути уже сил нет разглядывать достопримечательности. Иногда забежишь в магазин, чтобы подарки друзьям и близким купить. А так, чтобы остаться на день-другой, побродить по городу, поглазеть на архитектуру и фонтаны – ни-ко-гда! Поэтому совершенно не ориентируюсь в чужих местах и запросто могу заблудиться.

Вздыхнув, я подняла свои сумки, в которых металла килограммов пятнадцать. Ключицы едва не треснули от такой тяжести. Оказавшись на улице, заметила такси. Пришлось опустить одну сумку, чтобы скорее поднять руку. Сумка с моим «железом» грохнулась на ногу приличному мужчине в дорогом костюме, который, ничего не подозревая, читал рядом газету.

Такси взвизгнуло покрышками, останавливаясь возле меня. Мужчина с воплем прыгал на одной ноге, ухватившись за лакированный ботинок, словно пытаясь его стащить.

- Простите! - взмолилась я по-английски, надеясь, что он поймет. - Я виновата! Простите меня, пожалуйста!

- Что вы бросили мне на ногу? - простонал он. - У вас там гири?

- Нет, обычный комплект для скалолазания. Фрейды, гексы, карабины... Скальный молоток вроде бы тоже там.

- Дамочка, вы чего руками махали? - закричал водитель такси. - Поедете или как?

- Поеду-поеду! - ответила я. Мужчина в костюме шарахнулся от меня. Должно быть, ему немного полегчало. Слава богу! Моим снаряжением действительно можно и убить. Вот, помню, однажды...

- Так вы едете или нет? - оборвал воспоминания таксист. - Решайте скорее! Тут нельзя стоять.

Я поторопилась. Закинула сумки на заднее сиденье, сама уселась впереди. Таксист надавил на газ, и мы влились в поток.

- Вы русская? - поинтересовался он.

Сам на вид типичный турок. Чернявый, с густыми усами. Не люблю таких любопытных. Взялся везти - вези молча.

- Нет, француженка, - отрезала я.

Он оторвался от дороги и подозрительно посмотрел на меня. Я же заметила, что такси уже в опасной близости от заднего бампера огромного фургона.

- Может, обратите внимание на дорогу?

Водитель глянул вперед, коротко ругнулся по-турецки и надавил на тормоз. Я едва не расквасила нос о лобовое стекло.

- Пристегиваться нужно, - сказал он. Вот плут! Ведь отомстил!

- Вы - русская. Что я, русских в Измире не видел?

- Ладно, русская я. Что с того?

- Куда ехать, русская?

А вот это вопрос. Я и сама не знаю куда!

С профессором Гродином из университета Йорка я работала уже три раза. Он изучал древнегреческие и финикийские поселения на Средиземном море. Все три раза приглашал меня на раскопки в Тунисе, но те исследования им завершены, опубликован доклад. Теперь профессор здесь, под Измиром. Неделю назад прислал электронное письмо, в котором сообщил, что для меня имеется новая работа.

Я раскрыла сумочку, в которой лежали кошелек, косметичка, загранпаспорт, а также компьютерные копии фотографии и письма.

«Дорогая Элен!» - начиналось письмо. Другого аналога моему имени профессор Гродин не нашел и потому всегда называл меня, словно даму сердца из средневекового романа. На самом деле меня зовут Алена Овчинникова, в девичестве - Баль.

«Рад сообщить, что для Вас появилась работа. Я веду раскопки возле селения Гюзельнак неподалеку от Кушадасы. Это в Турции, на сто километров южнее

Измира. Исследования обещают стать сенсационными. Я уже опубликовал предварительный доклад по ним в четвертом номере журнала „Археологический вестник“ за этот год. Надеюсь увидеть Вас в самое ближайшее время. Шлю фотографию с места Вашей работы. Это скальный обрыв перед пляжем на берегу Эгейского моря. Целую и с нетерпением жду».

Я всегда требую снимок объекта, который предстоит исследовать. Это для того, чтобы оставить дома ненужное снаряжение.

На черно-белой принтерной распечатке запечатлена скала, изрезанная вершина которой напоминает зубцы крепостной стены. На одном из «зубцов» стоят профессор Гродин и его помощник Чарльз. Они подняли руки, приветствуя меня. Оба грязные и чумадые. Это для них норма. В прошлый раз в таком виде Чарльз приехал встречать меня в аэропорт. Интересно, куда он запропастился сегодня?

- Так куда едем? - нетерпеливо спросил водитель.

- В Гюзельнак, что возле Кушадасы.

Водитель ни капли не удивился и только спросил:

- А деньги у вас имеются?

Я показала ему закрытый кошелек.

- Может, он пустой? - предположил усатый турок.

- Не ваше дело. Сколько будет стоить?

- Мне ведь придется возвращаться без пассажиров, - задумчиво произнес водитель.

Я поняла, к чему он клонит. Цену набивает. Все таксисты одинаковы.

- Триста долларов!

От такого нахальства я даже скрипнула зубами.

Триста долларов и для меня нелишние... Ладно. Чтоб он мантами подавился за эти триста долларов! В конце концов, стрясу деньги с Гродина. Он был обязан меня встретить.

– Годится, – ответила я.

Обрадованный таксист надавил на газ и ринулся в гущу автомобилей, обгоняя и подрезая. Я уставилась в окно, разглядывая чудные зеленые холмы, окружавшие автостраду. На их склонах торчали редкие приземистые деревья с широкими кронами. Солнце еще стояло высоко, но не приходилось сомневаться, что в Гюзельнак мы прибудем только вечером. Еще одна проблема. Как я раньше об этом не подумала?

Природа-мать, не без участия родителей конечно, наградила меня гибким телом и отличными способностями к усвоению древних языков. Эти два качества и помогли мне стать обладательницей редкой профессии – скалолаз-лингвист.

Вы скажете – что за чушь! Какие надписи могут попасться в горах, кроме: «Здесь Вася и Коля пили пиво»? Или, может, скалолаз-лингвист читает томик Аристотеля, вися над пропастью? Кому нужна такая профессия!

Вот тут вы и ошибаетесь. На самом деле профессия очень востребованная. К примеру, высоко на стене храма в Гизе археологи отыскали древнюю надпись, а как ее прочесть, как скопировать? Кто доберется до нее? Лестницей не достать – высота метров сорок. Можно, конечно, профессионального альпиниста пригласить. Только он, хотя и специалист в своем деле, не разбираясь в тонкостях забытого языка, может какую-нибудь черточку упустить или при фотографировании не заметит тень на самой важной части текста. В результате подобной небрежности археологам потом придется долго голову ломать над простым, в общем, сообщением. А я пусть и не всеми языками владею, но чем начинается слово и чем должно заканчиваться – знаю наверняка.

Нет, я не профессиональный альпинист. Закончила кафедру древних языков исторического факультета МГУ и к скалолазанию никакого отношения не имела. На последнем курсе вместе со студентами археологической кафедры подалась в Крым. Думала: когда еще представится возможность полюбоваться его

достопримечательностями?.. Где-то под Севастополем, путешествуя по горным тропкам, один из глазастых археологов заметил на высокой скале высеченные строки.

Доцент кафедры археологии, отдохавший вместе с нами, посетовал, что нельзя взглянуть на текст. Я предложила залезть и скопировать его.

– Да ты что, Алена! – ответил он. – Это очень опасно! Для такой работы необходим профессионал. Археологи обычно нанимают промышленных альпинистов...

Группа отправилась дальше, а я смотрела на скалу и не понимала – в чем эта опасность-то? Скалу усеивали выступы и трещины. Залезть на нее не сложнее, чем взобраться по лестнице на третий этаж.

Я и забралась. И скопировала надпись.

Оказалось, что текст оставлен древними скифами и имеет большую историческую ценность. На его основе ученые смогли расшифровать некоторые другие непереуведенные скифские письма.

А мне понравилось лазать по горам. Я после возвращения из Крыма записалась в клуб скалолазов «Вертикаль», куда хожу до сих пор. Тренируюсь три-четыре раза в неделю. Работаю же в Государственном архиве древних актов – разбираю старые тексты. Историки и археологи иногда просят помочь. Договариваются с начальником отдела, и я выезжаю на место, потому что скалу в Москву не привезешь.

Три года такой работы сделали меня известной в России. Я снимала надписи со скал, колонн, в ущельях, со стен храмов... Однажды академик Карасев попросил приехать в Египет, где он раскапывал гробницы фараонов. С той поры пошла моя международная слава...

В желудке засосало, и я вспомнила, что даже не обедала. Последним «ланчем» был леденец от тошноты, выданный в самолете...

Попросить водителя остановиться, чтобы перехватить пару бутербродов?

Я осторожно взглянула на его смуглое лицо.

Лучше не стоит. Стрясет дополнительно пятьдесят долларов за простой. Доберусь до базы археологов – там чем-нибудь накормят. Гродин с Чарльзом не могут жить без мяса, а в холодильнике всегда припрятано шампанское для особых случаев. Мой приезд можно считать таковым...

Как и предполагалось, в Гюзельнаке мы оказались, когда совсем стемнело. Таксист высадил меня на окраине селения и уехал, обдав клубами пыли.

Есть хотелось до неприличия. Выражаясь точнее – жрать! В моей сумке из еды – лишь полбутылки минеральной воды... Во как! Оказывается, с голоду могу выдать экспромт стихами...

Было жарко. Пот лил градом, смывая косметику. Бог с ней. Кто будет осматривать меня в потемках глухой деревни?!

Какой-то подросток на арбе указал направление, в котором следует искать лагерь археологов. Подхватив сумки, я двинулась в темноту безлунной ночи. Через десять минут отваливались руки, а глаза видели не дальше двух-трех метров. В результате едва не свалилась в пропасть, оказавшись на краю обрыва.

В лицо дохнуло морской свежестью. Внизу шумел прибой едва различимого Эгейского моря. Подросток говорил, если я правильно поняла, что мне следует добраться до обрыва и идти вдоль по краю, пока не упрусь в лагерь археологов. Объяснить-то легко, а вот плестись измотанной и голодной с двумя тяжелыми сумками – совсем не просто. Опять же, вдруг я все перепутала и иду в другую сторону!

Камни под ногами и не думали складываться в тропинку, ежеминутно заставляя спотыкаться. Колючие южные кустарники рвали колготки и царапали голени. Раз пять я останавливалась и отдыхала, глядя на темное море. Ну и занесло меня! Ни разу в такую переделку не попадала! Будет о чем рассказать в архиве!

При виде одинокого прожектора далеко впереди я аж взвизгнула от радости. В его бледном свечении ясно различались несколько палаток. Их вид придал сил, открылось второе дыхание, и я припустила по темным камням. Сумки не донесла – бросила в десятке метров от круга света. Вот наконец и шатер. Чувства гнева и

радости смешивались в груди! Бездельники! Забыли, что встретить меня нужно, и дрыхнут без задних ног! Ужо я им покажу! Ворвусь в палатку с текущей по лицу косметикой и в драных чулках – испугаются не меньше, чем вурдалака!

С треском расстегнула молнию и...

Палатка оказалась пуста. Ни одной живой души. Под сводом теплился крохотный фонарь. Пара смятых спальных выглядела сиротливо, но не они тронули сердце, а полкруга копченой колбасы на столике для археологических находок.

Беспокойные мысли тут же куда-то испарились. Живот требовательно заурчал. Я схватила колбасу, впилась в нее зубами, обжигая язык турецким красным перцем, и в неземном экстазе повалилась на спальник.

Боже, какая вкуснятина!

Задрав ноги, я сбросила туфли. Ведь от самого Гюзельнака с двумя тяжеленными баулами топала на каблуках!

После колбасы зверски захотелось пить. Я окинула взглядом палатку и нашла требуемое. За неимением воды – пойдет!

Полбутылки красного «Шардоне» вполне утолили жажду. Я даже захмелела.

Вот так... Теперь вернемся к нашим баранам. Где все? Что-то непонятное творится...

И тут в палатку ввалилась целая толпа. Мой визг, наверное, слышался в Гюзельнаке – так меня напугали эти бездельники.

Впрочем, только от испуга можно было принять вошедших трех человек за толпу: невысокий и сутулый профессор археологии Майкл Гродин, какой-то незнакомый мне лопухий фрукт и бородатый турок. Незнакомцам я не удивилась: каждый сезон Гродин набирает вольнонаемных для черновой работы – копать землю, таскать камни, изымать из шахт щебенку... А вот где Чарльз? Это его рыжую голову я мечтала увидеть в аэропорту Измира.

Лопухий незнакомец веселился больше всех.

– Здорово мы вас разыграли! Признайтесь, что испугались, мисс Овчинникова!

– Ничего себе розыгрыш! – воскликнула я и в гневе хлопнула бутылкой оземь, надеясь на эффектный взрыв. Однако спальный мягко принял ее и из горлышка вырвался короткий свист. – Ничего себе! Меня никто не встретил в аэропорту, я не знала, что делать! Пришлось добираться до Гюзельнака на такси, водитель которого оказался откровенным хамом! В темноте я едва не свалилась с утеса! Голодная, с тяжелыми сумками тащилась вдоль берега, ободрал все ноги! И это вы называете розыгрышем?!

Меня трудно вывести из себя. Но в этот раз, наверное, «Шардоне» подстегнуло. Да и правильно! Что они о себе возомнили?

– Элен, прости нас, мы виноваты. Так получилось... – Гродин опустил взгляд.

– С вас триста долларов за такси.

– Хоть шестьсот! – улыбаясь, воскликнул лопухий незнакомец. А чего он распоряжается чужими деньгами?

Я уперла указательный палец в его лоб:

– Ловлю на слове.

– Конечно, ловите!

Почему-то мне не нравился этот тип. То ли из-за глаз, откровенно наглых, то ли из-за ухмылочки, которая меня бесила, то ли из-за его оттопыренных ушей...

– Ты голодна? – сухо поинтересовался Гродин. В его голосе слышалась вина.

На профессора я злилась больше всего. Вообще-то подобные «розыгрыши» не в его стиле... Все равно! Больше не приеду к ним, пускай сами по скалам лазают. Кости поломают, повалятся в больницах – будут знать, как устраивать «сюрпризы».

– Нет, колбасы было достаточно. – Я прикрыла рот. Кажется, у меня начиналась отрыжка. Боже, зачем я столько съела?

– Тебе помочь?

– Чем? Ой... – Рык получился громким, мужицким.

Профессор сделал вид, что ничего не заметил, и произнес:

– Элен, после того, что случилось, я не смею тебя об этом просить, но... Это очень важно. – Он упер в меня взгляд своих серых глаз.

Лопухий и турок перестали улыбаться и смотрели на нас. Я почувствовала себя неуютно. О каком серьезном разговоре может идти речь, когда на моем лице как будто размазали флакон с тушью, а из волос все еще сыплются листья? Мне бы косметичку и к зеркалу – в порядок себя привести.

Но Гродин неумолимо гнул свое:

– То, зачем ты прилетела... Это очень важно для нас... для меня...

– После ваших «сюрпризов» могу и обратно улететь!

– погоди, не горячись. Надпись на скале крайне важна для нас! А время... Как бы это объяснить?

– Да уж, объясните как-нибудь.

– В общем, времени очень мало.

Пришла моя очередь уставиться на него.

– С каких это пор археологические раскопки стали проводить по секундомеру? С кем вы соревнуетесь, Майкл?

- Мы ни с кем не соревнуемся. Я не могу всего объяснить, это долго. Но прошу тебя сделать работу прямо сейчас.

- Как? Ночью?

Профессор явно спятил. Еще ни разу я не выходила на объект ночью. В темноте все по-другому. Можно крюк вбить в крошащуюся скалу, можно ступить не туда... Для скалолазания в ночных условиях нужна тренировка. И не одна. А Гродин чего хочет? Чтобы я, неподготовленная, лезла на темный обрыв?

- Я не полезу.

- Мы все оплатим. Не беспокойся, в деньгах обижена не будешь.

- Не полезу ни за какие деньги! Подождать не можете? Рассвет займется уже через несколько часов!

Гродин просительно свел вместе кончики пальцев обеих рук:

- Элен... Нам очень-очень нужна эта надпись. Я предполагаю, что здесь находится усыпальница древнегреческого Великого Сказителя, жившего приблизительно в восьмом веке до нашей эры. Тело похоронили у прибрежной скалы, а на самой скале начертали легенды Сказителя. К ним вели ступени, но со временем они обрушились, и надписи теперь недосыгаемы ни с подножия, ни с вершины. Только ты можешь туда забраться.

- Вам нужны эти легенды?

- Да. Возможно, там хранится что-то еще.

- Вот что я вам скажу, Майкл Гродин! Так дела не делаются! Если бы вы хотели скорее получить эти надписи, то встретили бы меня в аэропорту и привезли сюда засветло. Тогда я спокойно, без нервотрепки скопировала бы все на закате. Но вы меня не встретили! Подозреваю, что попросту забыли! Ради чего я буду рисковать здоровьем?!

– Ну, хватит! – вдруг раздраженно промолвил Лопоухий и вытащил из кармана пистолет.

Я оторопела, поначалу подумав, что это еще одна шутка. Но второй незнакомец, турок, также вытащил пистолет и упер его в голову Гродина. Тот обреченно опустил глаза.

Вот тут-то страх меня и сковал. Горло сжалось настолько, что я даже пискнуть не могла, а сердце словно сдавили клешнями.

– Представление закончилось! – произнес Лопоухий. – Не хочешь по-хорошему, крошка, значит, будет по-плохому!

Гродин по-прежнему не поднимал глаз. Теперь ясно, что его использовали в качестве подсадной утки. На лагерь археологов совершено разбойное нападение. Чарльза бандиты не смогли заставить убедить меня сотрудничать с ними, а старенький Гродин не имел сил сопротивляться...

Мерцающий под потолком фонарь внезапно потух.

– Проклятье! – раздался голос Лопоухого.

Рядом со мной находилась стойка, на которой держался шатер. В темноте я могла бы пнуть ее и обрушить палатку на головы мерзавцев, а сама сбежала бы, пока они путались в брезенте. Но у меня не хватило мужества на это. И когда Лопоухий зажег ручной фонарик, я стояла на месте, словно приросшая к полу.

Луч фонаря он направил мне прямо в лицо. Я зажмурилась.

– Так вот, крошка, – произнес Лопоухий, продолжая прерванную мысль. – Теперь ты полезешь на обрыв на безгонорарной основе.

Я молчала.

– Элен, прости меня, – произнес Гродин. – У меня не было выхода. Они бы убили нас с Чарльзом.

Сильным толчком Лопоухий вышвырнул меня на улицу. В свете прожектора я обнаружила возле палатки группу людей. Человек семь-восемь. Лиц не разглядеть, но, похоже, все – турки. У некоторых на плечах висели короткоствольные автоматы. Другие и без оружия выглядели страшно – здоровые, черные, ручищи волосатые... Божечки, надо же так влипнуть! И почему я не улетела обратно?

А вот и мои собственные сумки. Кто-то разыскал их в темноте и выволок на свет. Ишь, какие заботливые...

Следом за мной из палатки появился мистер Лопоухий с пистолетом в руке. Судя по тому, как он держался, сразу было видно, кто главарь шайки.

– Так вот, крошка! – сказал Лопоухий, наклонившись к моему уху. – Полезешь на скалу. Прямо сейчас.

Хмель уже выветрился из головы, и я вдруг поняла, что у него совершенно не британский акцент.

Американец. Не из Нью-Йорка, но очень близко к этому.

– Я вам не «крошка», мистер Лопоухий! – раздраженно ответила я.

– Как ты меня назвала? – взвился он.

Попала в самую точку. Уверена, что его и в школе так дразнили...

Пощечина получилась звонкой, моя голова отлетела назад, а в мозгах помутилось. Едва не упала, но меня подхватил бородатый турок, который приставлял пистолет к голове Гродина.

Не самая незначительная моя проблема – острый язык. Он хотя и способен разговаривать на многих (в основном древних) наречиях, но доставляет массу неприятностей своей язвительностью. Иногда сама не понимаю, как эти колкости из меня вылетают. Вроде бы и не хочу говорить то, что думаю, а язык сам все произносит. Еще со школы страдаю от этой «болезни!» «Держи язык на привязи, – говаривал дед. – Чаще лучше промолчать, чем высказаться...» Прав

он, конечно, тысячу раз прав! Но только язык не собачонка, которую можно привязать, поэтому сдерживаться я так и не научилась...

Понемногу пришла в себя. Лопухая сволочь глядела на меня и ухмылялась.

- Еще раз так скажешь... - угрожающе произнес он и не закончил о последствиях.

- Вы же не представились, а обращаться как-то надо было, - зло ответила я.

- Элен, помолчи, пожалуйста, - раздался откуда-то совсем убитый голос Гродина. - Не пререкайся с ним.

- Да! Заткнись, соплячка! Хочешь жить - полезай на скалу!

- Я же свалюсь с нее в темноте! И это вы называете «хочешь жить»?

Он упер пистолет прямо в мой висок, холодное дуло собрало кожу в складки. Внутри все сжалось в ожидании выстрела, я едва сдержала крик. Слезы беззвучно полились из глаз. Да, могу без конца сыпать колкостями, но на самом деле я не такая бесстрашная.

- У тебя нет выбора, крошка! - Лопухий сделал акцент на обращении. - Голову я тебе разнесу на двести процентов, а вот свалишься ли ты вниз - еще неизвестно. Выжить шанс имеется, тем более я заинтересован, чтобы ты вернулась. Мне нужна эта надпись на скале.

Я едва не обронила: «Тебе нужна - сам и полезай!» Хорошо, что вовремя сдержалась, а то, чего доброго, Лопухий в гневе мог и дернуть пальцем, который поглаживал спусковой крючок.

- Так что выбираешь, крошка?

Мне все время было страшно, особенно когда дуло пистолета упиралось в висок. Но когда он снова назвал меня «крошкой», злость пересилила все страхи. Так вдруг захотелось пнуть его между ног.

– А прожектором посветите на скалу? – спросила я сквозь зубы.

– Может, тебе еще капучино приготовить?

Однако сказал он это таким тоном, что я поняла – посветит. И не только посветит. В лепешку расшибется, чтобы добыть надпись со скалы.

Я медленно опустилась к одной из сумок и со злостью расстегнула молнию. Сверху термобелье, штормовая куртка. Веревка «Бель» покоится в отдельной секции. Крюки и карабины в кожаном чехле.

Лопухий опустил пистолет и стоял, посмеиваясь. Не нужно обращать на него внимания – только расстраиваешься. Следует сосредоточиться на спуске. Что мне понадобится? Из одежды достаточно майки и трико. Сейчас не холодно – курортный сезон в разгаре.

Достала кальку и графитовый стержень, сунула в кармашек белой блузки. В другой положила фонарик размером с авторучку. Еще один фонарь – побольше – прицеплю потом на голову.

Так... А как спускаться будем? Накину петлю из репшура на прочный камень, к нему пристегну карабин, к карабину привяжу веревку. Веревка сорокаметровая. Должно хватить. Спустишь, все зарисую, поднимусь...

Что мне в тот момент в голову взбрело? Какой чертик в нее забрался?

Наверное, сработала та самая непредсказуемая женская логика, о которой так много говорят. Я вдруг решила, что если сейчас вот побегу, то стрелять по мне не станут.

И рванула с места в темноту, оставив турок стоять с разинутыми ртами. Они действительно не ожидали столь наглого бегства, чего не скажешь о Лопухом. Он вскинул руку с пистолетом и несколько раз надавил на спусковой крючок. Выстрелы показались оглушительными. Пули взвизгивали возле моих пяток, ударяясь о камни. Ни живая ни мертвая от страха, я скакала в темноте, мечтая очутиться как можно дальше от лагеря и света.

– Чего уставились, ослы! – заорал по-турецки Лопоухий. – Живо за ней!

Несколько длинных лучей прорезали темноту. Я бежала, стараясь не попасть в их свет, охая на каждом шагу. Туфли остались в палатке, и мелкие камни вонзались в голые ступни. Да еще эта тесная юбка... Никогда больше такую не надену!

Куда же бежать? Они меня быстро догонят. Расстреляют, как дичь, а потом зажарят на вертеле... Повинуясь инстинкту самосохранения, свернула на шум прибоя. Десяток шагов, и я возле скального обрыва.

Ничего не видно. Ничегошеньки! Однако думать некогда. Над головой сверкнул луч. Более не медля, я упала на землю и перевалилась через край

Под ногами пусто. Ни площадки, ни даже выступа. Я висела, животом распластавшись по краю, ноги болтались над пропастью неизвестно какой высоты, где-то внизу шумело море. Тяжелые шаги, с хрустом осыпающие камни, приближались. Лучи фонарей мелькали все чаще и ближе. Скоро один из них упрется мне в лицо.

Может, ниже обнаружится ступенька?

Я соскользнула с края, тело провалилось в пустоту, и остановили падение только руки, ухватившиеся за что-то.

– Как все отрицательно! – шепотом пробормотала я.

Никакого упора для ног! Видимо, стена даже не отвесная, а со скосом в сторону материка. Отрицательная стена! Вот влипла!

Пальцы пока в норме, уступ не крошится, но сколько я так продержусь? Минуты четыре? На тренажере больше не требовалось. Там еще и трое тебя страхуют. Сколько смогу висеть по максимуму? Бог его знает!

Тяжелые шаги прогрохотали прямо надо мной. На одном из камней нога преследователя соскочила с края, мне на голову посыпались крошки. Бандит едва не свалился в пропасть! Он бы и меня смел за собой!...

Уф... Кажется, пронесло!

Бандиты отправились дальше, турецкая речь стихала. Мои пальцы внезапно начали соскальзывать, и я поняла, что не провишу даже четыре минуты. Осторожно подтянулась и влезла обратно на край. Лучи фонарей веером удалялись в разные стороны. Преследователи старались охватить как можно большую территорию. Вот тут они и просчитались. В большие сети мелкая рыба не попадает.

Пригибаясь к камням, я бегом бросилась прочь от лагеря. Скоро стали попадаться огромные валуны. Вот здесь отыщется место, чтобы перевести дух и как следует подумать.

От волнения ничего в голову не шло, и я прислонилась спиной к одному из каменных исполинов, пытаюсь отдышаться. Руки дрожали, сердце трепыхалось в груди. Мне вдруг сделалось так одиноко и так обидно на весь свет, что я заплакала. Господи, за какие прегрешения это случилось именно со мной! Я всю жизнь была прилежной девочкой, не списывала на экзаменах, слушала старших и даже дорогу переходила только на зеленый свет.

Одинокий прожектор освещал палатки метрах в ста пятидесяти от меня. Судя по лучам фонарей, бандиты возвращались в лагерь. Мимо меня прошли вдалеке. Похоже, местность они совершенно не знали.

Кто они и зачем напали на экспедицию профессора Гродина? Мерзавцы! Нужно вызвать полицию – помочь Гродину и Чарльзу, пока не случилась беда! Я единственная, кто оказался на свободе и знает о происшедшем! Вот только как вызвать полицию? В скалах не растут телефонные будки, да и жетонов у меня нет. Как и денег. Ридикюль остался в одной из сумок... А в нем, кроме денег, – загранпаспорт и водительское удостоверение.

Боже, я осталась без документов! У меня же вообще ничего нет! Даже туфель! Я минут сорок добиралась от Гюзельнака до лагеря. Без обуви обратно не дойти и до утра!

Вляпалась... Без денег и документов... Одна в чужой стране...

Стоп! Есть идея.

Турки сюда не пешком пришли. Да и у Гродина должен быть внедорожник! Нужно пробраться к лагерю и выкрасть автомобиль. Точно! Пока они сообразят, я уже буду в полиции.

Идея хорошая... только глупая. Я ведь не умею угонять автомобили. Ключи вряд ли торчат в замках зажигания. Хм-м... Видела в фильмах, что из-под руля выдирают какие-то проводки, скручивают их и заводят двигатель. Но где искать эти проводки? Тем более в темноте. Я понимаю в автомобильной электронике ровно столько же, сколько бегемот – в тройных интегралах.

– Да и бандиты не дураки, – пробормотала себе еле слышно. – Машины наверняка охраняются.

Что делать – не знаю... Понятно одно – к утру нужно сматываться отсюда. Иначе они меня живо обнаружат. Вот только куда я пойду без денег и документов? Кроме полиции, нет другого пути. А за кого меня там примут без удостоверения личности? За курдскую сепаратистку?

Погодите, дорогие граждане! Но ведь бандиты спешат! У них мало времени, поэтому они и гнали меня на скалу ночью. Возможно, утром их кто-то готов потревожить. Им бы раздобыть наскальную надпись!

Кстати, зачем?

Нужно дождаться, пока в лагере все успокоится. Потом пробраться туда и выкрасть свои документы, по возможности еще тапочки и деньги. Именно в такой последовательности.

И я медленно поползла к палаточному лагерю, ориентируясь на желтый свет мозолящего глаза прожектора.

Как не хотелось туда возвращаться! Просто жуть!

Вскоре, однако, я уже пряталась за одной из палаток. Сюда не доставал свет, и темнота обволакивала меня, словно вата. Небольшой лагерь археологов с моей позиции просматривался великолепно.

Люди с угрюмыми бандитскими физиономиями и оружием на плечах разбрелись кто куда. Мои сумки лежали на том же месте, где и были, когда я с безумством дикой кошки бросилась наутек. Они стояли недалеко от границы света и тьмы. Не на расстоянии вытянутой руки, конечно, но достать можно.

Я обогнула палатку. Внутри нее горел свет. Турки, видно, укладывались спать, при этом кроя друг друга отборной руганью. В чем суть претензий, я не поняла. Плохо знаю турецкий.

Теперь сумки стали ближе. В четырех метрах спиной ко мне возвышался здоровенный и небритый уроженец здешних краев. Я так поняла – часовой. Он внимательно оглядывал лагерь, в зубах попыхивала папироска. Ветер дул в мою сторону, это хорошо. Он не чувствовал запаха моих духов, если от них что-то осталось. Зато вонючий дым его «коптильни» валил прямо в лицо.

Что он курил? Дым был такой едкий, что из глаз снова полились слезы, а во рту запершило. Не хватало еще раскашляться и проверить, как турок стреляет на звук!

Сумка, в которой находился ридикюль, стояла расстегнутой. Я открыла ее, еще когда прикидывала, как мне спускаться. В принципе, достать ридикюль возможно. Шут с ними – с тапочками. Главное – получить деньги и документы.

Я должна выйти из тени, сделать пару тихих шагов, вытянуть ридикюль – вон, виднеется его уголок – и так же неслышно вернуться в темноту.

В течение нескольких минут я пошагово прокручивала в голове этот план, но не могла тронуться с места. Часовой докурил папироску и бросил под ноги, перекинул винтовку с одного плеча на другое, а я все сомневалась.

Нужно сосредоточиться. Всего два шага... Два тихих шага... Даже если камни и скрипнут под голой ступней – из палатки по-прежнему доносится ругань турок, и вряд ли охранник что-то услышит.

План-то, конечно, хорош... Вот только как тут сосредоточиться? Сердце колотится так громко, что кажется – его слышит весь мир! В глазах – круги, ноги подкашиваются от волнения и усталости...

Я вспомнила, как мой первый инструктор учил снимать напряжение перед подъемом: десяток глубоких вдохов и выдохов концентрируют организм.

Я несколько раз втянула в себя и выпустила воздух. Медленно, размеренно... Привычное упражнение придало уверенности. Господи, чего я так волнуюсь? Нужно только вытащить ридикюль! Это же не подъем в двести метров по отвесной скале!

Снова набрала воздух, уже собираясь выйти из тени, и...

Едва не столкнулась с парой головорезов.

Они неслышно вынырнули из темноты в десяти метрах от меня. Оказывается, не все вернулись с поисков. Эта парочка припозднилась.

Объятая ужасом, я завалилась обратно за палатку и поняла, что больше не решусь выйти на свет даже под пыткой.

Головорезы бросили пару фраз часовому. Тот что-то ответил. Все противно загоготали. А потом... о, ужас! Они накинулись на сумки. Ах, сволочи!

Они копались в моих баулах с бесцеремонностью жандармских ищеек, уверенных в собственной безнаказанности.

Мне оставалось только смотреть на это и скрежетать зубами от бессилия.

Тем временем турки обнаружили мое нижнее белье и принялись нюхать его своими грязными носами. Не дождетесь! Белье свежее, вчера постиранное.

За этим занятием их и застал Лопухий.

Он неожиданно появился из-за палатки, и хотя я ненавидела его, как ведьма инквизитора, – в тот момент американец показался мне чуть ли не рыцарем.

Он всадил одному турку крепкую затрещину, другого отшвырнул пинком.

– Вы что делаете, олухи! – воскликнул он. – А ну пошли прочь!

Головорезы припустили куда-то в центр лагеря. Лопоухий что-то сердито сказал часовому и стал запихивать мои вещи обратно в сумки. Турок хмыкнул и отправился прочь.

Закончив собирать сумки, американец поднялся и долго смотрел в сторону моря, думая о чем-то. Я вдруг вспомнила, как он залепил и мне пощечину. Щека до сих пор горела. Да и холод пистолета еще ощущался на виске. Нет, так обращаться с женщиной может только самый отъявленный негодяй.

Странная собралась компания. Группой отборных турецких мерзавцев руководит человек с американским акцентом. Что за банда? И зачем им понадобились археологи, с которых, в общем, и взять нечего?

К Лопоухому приблизился бородатый турок, которого я видела в палатке. Кажется, он главарь местного отребья, но беспрекословно подчиняется американцу. И последний чувствует себя полновластным хозяином. Наверное, платит им всем. И хорошо платит, раз такие лоси бегают перед ним на цыпочках и безропотно выносят пинки и затрещины.

Лопоухий и турок повели разговор на английском. Наверное, чтобы я поняла... Шутка, конечно. Думаю, что Лопоухий, как и я, плохо знал турецкий.

– Мне нужен наскальный текст, Рахим, – произнес Лопоухий. – Времени мало.

– У меня нет людей, которые умеют лазать по скалам, мистер, – ответил Рахим. – В темноте можно шею свернуть. Девчонка была права.

– Да уж, – с ледяной усмешкой кивнул американец. – Что же вы, ротозеи, упустили ее?

Рахим ничего не ответил, его глаза недобро сверкнули.

– Плохо это, – пробормотал Лопоухий. – Я уверен, что девчонка сняла бы текст. Дьявол! Может, все-таки загнать вас на скалу?

– Мистер Бейкер...

Так я впервые услышала имя американца. Значит, Бейкер... Пусть будет Бейкер. Рахим тем временем продолжал:

– Луны нет, звезд нет – жуткая ночь! Шеи себе поломаем, а дело не сделаем. Лучше утра дожидаться, там что-нибудь придумаем!

– Утро-утро! – проворчал Бейкер. – Хорошо, оставим до утра... А эти скалолазные шмотки надо взять с собой – могут пригодиться.

С этими словами он подхватил одну мою сумку, турок взял другую, и они отправились в глубь лагеря, оставив меня с открытым ртом.

Итак, я лишилась обуви, денег и документов. Нужно бежать отсюда, бежать прочь. Гродина все равно не спасу – не служила в спецназе. Идти в лагерь и разыскивать свои сумки по палаткам? Эти гориллоподобные ребята из своих автоматов изрешетят меня в дуршлаг.

В голову не приходило ничего, кроме бесполезной ругани. Не выбраться теперь из Турции. Без документов я рабыня. Повешу на лицо паранджу и отправлюсь в чей-нибудь гарем.

Что же делать?

Я вспомнила о надписи на скале, вокруг которой заварилась вся кутерьма. Что там за надпись? Гродин говорил – одна из легенд Великого Сказителя. Кто это, кстати? И зачем древняя легенда понадобилась мистеру Локаторы-Вместо-Ушей? Да еще столь спешно?

Она ему нужна позарез. Так сильно, что он готов сорить деньгами, нанимая головорезов, готов убивать ради нее.

Я вдруг поняла, что должна прямо сейчас отправиться на скалу. Должна снять легенду, пока не наступил рассвет.

Глава 2

Темной ночью на скале

Я похлопала по карманам блузки. Графитовый грифель и калька остались при мне. Грифель, правда, сломался пополам, но сойдет и такой.

Идея, конечно, паршивая. Жаль – другой нет. Если удастся снять надпись и изъять предмет, о котором вскользь упоминал Гродин, у меня будут мощные козыри, с помощью которых я смогу вернуть вещи и документы. Или хотя бы одни документы!

Я усмехнулась. Не хотела лезть на скалу в темноте со снаряжением – теперь придется «голышом».

– Ну что же ты? – сказала я себе. – Еще не поздно вернуться к милым дяденькам и заявить, что готова отправиться на скалу в обмен на паспорт.

Только похоже, что и достав им надпись, вряд ли я уйду от них живой. Значит, выход один. Лезть тайком! Причем успеть нужно до рассвета.

Нет, точно свалюсь. Ни веревки, ни крючьев, ни скальных тufель! Как буду держаться, когда окажусь на месте и примусь копировать текст? Зубами? Есть на свете такие специалисты, но я не из их числа. Федька Быков один раз показал свой рот. Мрак, да и только! Говорил, что однажды соскользнула нога, и он сорвался. Успел челюстями сжать толстую ветку – клыки и резцы раскрошились, словно творог.

Я двинулась по краю лагеря, не выходя на свет. Шум прибоя немного стих. Первым делом нужно найти скалу. Вот и пригодилась фотография, которую прислал Гродин. Нужно вспомнить, как выглядела вершина. Помню, Майкл и Чарльз стояли на «зубце» и приветливо махали руками. Тогда они еще не знали... Впрочем, хватит сопли распускать. Искать, искать и еще раз искать надо!

Зубцы крепостной стены. Чарльз и Майкл стояли на одном из них. Лагерь находился почти на краю, возможно, над той самой скалой. Вскоре я оказалась

возле обрыва. Ничего не видно! Ладно, месяц еще не родился. Но ведь и ни одна звездочка не блестит. Темнотища – хоть глаза выколи.

Освещенный лагерь теперь словно вымер. Почти таким я и нашла его, когда приковыляла сюда с огромными баулами. Но впечатление это было обманчивым. Иногда кто-то из головорезов вдруг появлялся в поле зрения и пересекал лагерь, побрякивая винтовкой. Другие боевики с неразборчивым ворчанием выбирались из палаток, чтобы облегчиться.

Похожие на зубцы камни я нашла сразу. Лагерь слишком близко к ним. Так близко, что какой-нибудь турок запросто может случайно наткнуться на меня. Нужно перебираться на скалу. Там я буду в большей безопасности.

Спрятавшись за одним из трех валунов-зубцов, я глянула вниз. Ничего не видно, но пропасть ощущалась по какому-то тягостному притяжению. Опытные скалолазы умеют «слышать» скалы, чувствуют опасность. Их интуиция позволяет находить трещины и выбоинки, которые не замечает глаз. Я пока научилась «чувствовать» только пропасть.

Свежий морской воздух омывал лицо, слышался шум прибоя. И все! Пропась – вот она, но совершенно не видно стены. Гладкая она или выщербленная? И где искать надпись?

С самого начала моя задумка граничила с сумасшествием, теперь это представлялось мне очевидностью.

Я стянула юбку, оставшись в блузке и трусиках. Все равно в темноте меня никто не видит, а ползать по скалам в юбке – небезопасно.

Рядом раздались чьи-то тяжелые шаги. Я вжалась в камень со скомканной юбкой в руке. Сердце снова заколотилось, вырываясь из груди.

Шаги стихли. Я осторожно выдохнула и опять уставилась в непроглядную черноту. Участок скалы не просматривался даже в метре от меня. Как я полезу без страховки?

Все это очень-очень отрицательно!

Однако делать нечего. И я, словно слепой котенок, вообразивший себя пантерой, начала спускаться вниз, шаря и нащупывая зацепы, карнизы и щели.

Никогда не ползала без скальных туфель. Теперь вот пришлось. Впечатление – отвратительное. Нога не имеет упора и постоянно скользит, в трещине ее не заклинишь. Ужас!

Когда прошла метра четыре, вспомнила еще об одной детали. В сумке остались скалолазные перчатки. У меня нежная кожа, поэтому пальцы быстро стираются до крови. Приходится их перематывать лейкопластырем. Как же больно его потом отдирать! А еще, бывает, нужно в расщелине заклинить ладонь или кулак. В общем, достается рукам. А перчаточки от «Баск»... Долго я вокруг них ходила, облизывалась. Наконец, выкроила сто пятьдесят долларов и купила. Только один раз в них на скале и была. Наслаждение неземное! Мягкие, но прочные – нужно еще постараться, чтобы износить их до дыр. Сделаны из тонкой спецткани – выступы и трещины чувствуются, словно собственной кожей, а рука не потеет и не скользит... И это чудо осталось в сумке! Наверняка какой-нибудь турок натянет мои перчатки, чтобы рулить пыльным джипом, или раздерет со злости. Обидно до слез.

Вот так без перчаток, в полной темноте, под шум прибоя я спускалась вниз. Скала все-таки оказалась не очень трудной, но не стоило расслабляться. Риск сорваться в темноте в несколько раз выше, чем днем. Периодически останавливалась, доставала фонарик и освещала стену на пару метров в разные стороны. Не знаю, сколько я прошла, но на текст не было даже намека.

Вскоре мной овладела паника. Нет хуже, когда на вертикали начинаешь паниковать, но представьте себя на моем месте! Сколько еще до основания скалы и где теперь вершина, знает только Господь, да и тот в такой темнотище вряд ли чего видит... Ни одного серьезного выступа, чтобы отдохнуть всем телом. Сначала одну руку освободишь, потом другую... Постоишь немного, давая отдых ногам... И сколько это может продолжаться? Я обычно на технику тренируюсь, а не на выносливость, потому что ползаю днем и вижу путь. А здесь?

На одной из остановок обнаружила, что ступила на длинный карниз. Узкий, он появлялся из темноты и в темноту уходил. Мой крошечный фонарик не позволял видеть куда. Обрадовала мысль, что карниз явно не был естественным скальным образованием, а являлся творением рук человеческих. Покрытый трещинами, в

некоторых местах сколотый и обвалившийся, он составлял часть архитектурного рельефа, вырубленного в стене. Под ним виднелась полоса наподобие фриза в древнегреческих храмах. Выделялись едва заметные стебли и лилии. Чисто коринфский стиль!

Глядя на этот карниз, призрачно проступающий в свете фонаря, я напрочь забыла все страхи и сомнения. Любая древность, тем более выполненная искусным мастером, завораживает. Она напоминает утерянное в глубине веков волшебство.

Не представляю, сколько прошло времени. Надеюсь, что наскальный текст где-то рядом. Пальцы невыносимо ломит, а ступни готовы вспыхнуть и осыпаться пеплом. Путь есть, вот только в какую сторону двигаться?

Решила идти вправо. Почему – и сама не знаю. Решила – и все!

Карниз оказался очень ненадежным. Едва сделала несколько шагов, как он начал рушиться. Я замерла, вцепившись в трещины и повиснув на одних пальцах. Как бы стук падающих камней не привлек внимание головорезов из лагеря. К счастью, ничего не услышала даже я – все перекрывал шум приборя.

Отфыркиваясь от песка, метра три преодолела на руках – под ногами опоры не было. Дальше карниз был крепче: хотя его край и осыпался, но остаток составлял ширину в половину ступни и надежно прирос к скале.

Через двадцать шагов под карнизом обозначилась вереница полустертых рисунков. Они-то мне и нужны!

Я спустилась с карниза, пользуясь трещинами, которые образовались прямо в чередке рельефных выступов. Чуть ниже обнаружилась площадка, достаточная по размеру, чтобы встать на нее обеими ногами. Наконец отдохну!

Осторожно проверила надежность площадки и встала на нее, затем расслаблялась несколько минут. Когда дыхание успокоилось, а пальцы на руках удалось распрямить, посветила вниз. Конца стене не видно. Кажется, площадка – это остатки лестницы, которая вела к рисункам от подножия скалы, где находится усыпальница Великого Сказителя. О ней рассказывал Гродин.

Что ж, пора осмотреть рисунки. Я посветила на стену перед собой.

Однако плодовитым был древний покойник! Эллины запечатлели на стене сразу несколько его легенд. Я насчитала восемь рельефных рисунков, которые располагались над площадкой полукругом. Каждый отражал эпизод отдельной легенды. Едва заметные строчки вписаны в свободные места рельефов – где-то в основание изображенной горы, где-то в искусно выдолбленные небеса. На одном рисунке текст приютился на борту парусника.

Вот тебе и на! Тут на месяц работы, чтобы скопировать все. А у меня времени – только до рассвета. Да и кусок кальки не так велик. Хватит лишь на одно изображение с текстом... Какая же из легенд интересует мистера Лопоухого?

В тусклом свете фонаря я попыталась прочитать некоторые строки и ничего не поняла. Мешали тени; к тому же многие буквы стерли влага, ветер и время. Читать такой текст нужно без спешки, в уютном кабинете, при хорошем освещении, кропотливо восстанавливая букву за буквой, слово за словом – по морфологии, по смыслу.

Так какая же из легенд? Господи, неужели все напрасно! Этот трудный путь, проделанный по темной скале, сбитые в кровь пальцы... Неизвестно еще, как я выберусь отсюда...

Нужно определить легенду по рисункам. Но они такие разные!

– Хочу домой! – простонала я.

Вот бы все это оказалось кошмарным сном! И скала, и бандиты там, наверху... А может, я уснула в самолете? Сейчас открою глаза, улыбнусь бортпроводнице, трясущей меня за плечо, заберу сумки, а у выхода меня встретит Чарльз...

Вот фантазерка! Я прикоснулась губами к сбитой костяшке на указательном пальце. Сладковатый привкус крови вернул к реальности. Не хватало еще забыться и свалиться вниз. Страховки-то нет.

Помечтала и хватит. Теперь нужно сконцентрироваться и сосредоточиться. Так которая из легенд? Вот рисунок великой битвы. Множество солдат, мечи

вскинуты вверх, стрелы перепыхивают небо... Вот рисунок какого-то путешествия. Бородатый до невозможности герой, стоящий на носу парусной галеры, устремил взор в далекий горизонт... Другие рисунки... Мой взгляд приковал самый верхний, прямо над головой. Он был самым простым из всех, но почему-то приглянулся мне.

Множество людей стоят на площади. Их головы повернуты в одну сторону. Непонятно, куда они смотрят. Смотреть они должны бы вверх.

Там, над их головами, раскинув в стороны руки, парит юноша. У него странное, вытянутое лицо. Большие, пронзительные глаза...

Почему я обратила внимание именно на этот рельеф? Сама не знаю... Великие битвы и дальние походы не тронули мое сердце, а тот простой рисунок отчего-то взволновал. Можете назвать меня мечтательницей. Любая женщина страдает такой слабостью. Вот я и решила, что этот древнегреческий Питер Пен и понадобился господину Бейкеру...

Времени на размышления не оставалось. Вся надежда на чутье. Зажав в зубах фонарик, я достала хрустящую кальку, приложила к стене и стала затушевывать поверхность обломком графитового стержня. Рельефный рисунок и остатки текста негативом переносились на нее. Эх, сделать бы еще парочку снимков, но мой «Олимпус» тоже в сумке. Достанется какому-нибудь вороватому турку, как и остальные вещи. А ведь фотоаппарат-то казенный. Он на мне записан, в случае утери платить за него придется. А это несколько месячных зарплат! Ну и втянул меня Гродин в историю! Впрочем, ему сейчас тяжелее, чем мне. Я хоть на свободе, а он... Даже думать не хочется.

Я замерла.

Ведь Лопухий сделает все, лишь бы получить эту кальку. Значит, я могу потребовать с него и мои вещи, и фотоаппарат, и освобождение Гродина с Чарльзом! Только как бы это устроить? Спрятать кальку, потом явиться в лагерь и потребовать выполнения моих условий?

Ерунда!

Меня схватят, будут пытаться, и под пыткой я расскажу, где спрятала копию... Дурной план. К тому же бандиты сами утром спустятся и снимут надпись... Но на это необходимо время, которого у мистера Лопухового нет. А я – тут как тут. Хотите быстро – верните вещи и освободите археологов. Вот!

Грифель неожиданно разорвал кальку и провалился в какую-то полость. Ну вот, испортила копию! Ее, конечно, не в музей и не на выставку, но все-таки...

Пришлось отнять листок от скалы. В середине рельефа я с удивлением обнаружила открывшуюся полость. словно толпа людей на нем расступилась. На самом деле изображение пары человек провалилось куда-то вглубь, открыв щель.

Интересно, это что – тайник? Когда я водила грифелем по рисунку, то случайно нажала потайную кнопку, и тайник открылся? Удивительно...

Я сунула в щель пальцы и нащупала там какой-то предмет. Поддела его и вытащила на свет.

Кольцо. Я сдула с него пыль.

Это был бронзовый перстень, покрытый узорами. Его украшал некрупный кусок стекла. Скорее всего – недорогой камень, потому как не искрился на свету; впрочем, я в камнях не разбираюсь. Мой бывший супруг, еще когда мы жили вместе, подарил мне на юбилей кольцо с бриллиантом. В четверть карата, что ли. Я «тот брилик» через лупу разглядывала. Интересно... Все-таки настоящий бриллиант – пусть и маленький. Так вот, он искрился, а этот – нет.

В отверстие перстня пролезали сразу два моих пальца. Какой же гигант его надевал?

Перстень я прицепила к цепочке на шее, вместе с серебряным крестиком, который носил еще мой прадед. Александр Баль до революции был в Санкт-Петербурге известным естествоиспытателем. Позже наша семья переехала в Москву. Впрочем, сейчас не до разбора семейных преданий...

Я вернула кальку на рельеф. Осталось скопировать около четверти текста. Грифель слишком мягкий, сильно затушевывает. Как бы не испортить всю работу. Нужно было взять третий номер, а я выбрала второй.

- Если не нравится, беги за третьим номером, - посоветовала я себе.

- Ага. Побежала! - ответила себе же не без сарказма.

Единственный способ избавиться от одиночества - разговаривать с собой. Правда, увлекаться этим нельзя, так и до шизофрении договориться можно.

Сверху раздался тихий скрежет, и мне на голову посыпались мелкие камушки.

- Ну что еще! - занятая работой, недовольно пробурчала я.

Господи! Совсем забыла, что наверху целый лагерь, набитый жгучими брюнетами!

Я подняла голову. В глаза ударил мощный луч прожектора. Рот мой раскрылся от неожиданности, и фонарик, зажатый в зубах, полетел вниз. Прощай, мой верный друг.

- Вон она! - раздался сверху крик.

Незадача! Видимо, копировку придется остановить. Я сложила кальку и спрятала в кармашек перепачканной блузки. И сделала это вовремя, потому как рядом просвистела пуля.

- Хватит стрелять! - с вызовом закричала я.

- Ты чего там делаешь, мартышка? - Голос Лопухого. Мистера Бейкера недожданного.

Как они нашли-то меня? Я вела себя, словно мышка Спускалась очень осторожно. Ни звука, ни шороха. Откуда они узнали, что я здесь?

Черт!

Я же им указатель оставила. Почти плакат: «Я полезла снимать текст. Найдете меня на скале».

Эх, полжизни за... юбку! Которая там, возле камня брошена... Вот и попалась... крошка.

– Я скопировала текст! – громко выкрикнула вверх.

Лопухий некоторое время молчал. Потом прорычал:

– Поднимайся!

– Нет! – Ничего не видно из-за проклятого прожектора, свет которого бьет по глазам. – Мне обратно не влезть!

Я не лгала. На самом деле не знала, смогу ли подняться. Сбитые пальцы жгло, словно кипятком, мышцы одеревенели, а сама я порядком окоченела.

– Мы тебе сейчас скинем веревку!

– Нет! – ответила я. – Спустишь вниз!

– Дождись веревки!

Как будто не расслышав, я начала слезать с площадки.

– Стой, мартышка! – заорал Лопухий. – Не смей сходить с места!

Но я уже с него сошла и нащупывала пальцами ног уступы под собой. Сколько до земли? Шум моря раздавался где-то рядом.

Раздался выстрел.

Еще один.

И еще.

Пули взвизгивали, ударяясь о камни, и рикошетили в темноту. Что-то горячее обожгло щеку. Вдруг показалось, что как будто кусок свинца разворотил мне половину челюсти (как же теперь щеки пудрить!), но это был лишь раскаленный осколок камня, выбитый пулей.

Страшно, аж жуть! А еще и грохнуть в пропасть можно от испуга!

Наконец спряталась под площадку – какое-никакое, а все же укрытие.

Выстрелы прекратились. Закончились патроны? Это было бы весьма кстати!

Прожектор продолжал поливать скалу желтоватым светом. Наверху притихли. Интересно, чего они затаились?

И тут я поняла.

Гродин говорил, что древнегреческий Великий Сказитель захоронен у подножия скалы. Если лагерь расположен наверху, то вниз должен вести какой-то спуск... Иначе как бы Гродин проводил раскопки?

Я покрылась холодным потом.

Мистер Бейкер и его банда сейчас спустятся, и я окажусь в западне!

– Ох!

Нужно как можно скорее что-то предпринять, пока эти нелюди не опередили меня.

И я полезла. Вернее, заскользила вниз так проворно, что на чемпионатах мира могла бы поспорить с француженками, которые частенько занимают там первые места. Еще бы! Они борются за ступеньку с циферкой один и за железки, собирающие потом пыль в шкафу, а у меня на кону собственная жизнь!

И откуда только силы взялись? Пальцы обрели гибкость и уверенность, как у профессионального пианиста, сама я себя чувствовала свеженькой, словно спала целые сутки и потом приняла душ. Вот что с человеком адреналин делает!

Ноги уперлись в твердую поверхность настолько неожиданно, что я потеряла равновесие и свалилась на спину.

Ух ты! Я внизу! Не могу поверить!

Нельзя медлить. Попыталась вскочить, но ноги, надежно державшие меня на скале, вдруг сделались деревянными.

Принялась лихорадочно растирать эти две глупые, бессовестные коряги! Я, Алена Овчинникова-Баль, преодолела метров сто по отвесной скале без страховки, и вдруг такое недоразумение, когда почти все трудности позади!

Легкий озноб тронул ступни, тысячи иголок пронзили икры и бедра. Я даже вскрикнула, почувствовав боль. Кажется, онемение прошло. Я двинула ногой, и она подчинилась.

Бежать!

Вокруг темнели какие-то развалины. Когда я из них выбралась, то поняла, что это и есть гробница Великого Сказителя, которую раскапывал профессор Гродин. Я бы задержалась, чтобы осмотреть все. Но, пожалуй, лучше в другой раз...

Соскочила с последней плиты, ноги окутал песок. Какое блаженство! До сих пор мои бедные ноженьки ступали только по камням и щебню, застревали в щелях и трещинах!... Песочек... Интересно, какого он цвета? Говорят, здесь белый песок. А впрочем, все равно!

И я понеслась по пляжу прочь от места упокоения древнегреческого сказочника.

Любительница археологии

Бежала до тех пор, пока совсем не запыхалась. Тогда только остановилась и прислушалась.

Не слышно ни криков, ни рева двигателей. Только шум прибоя. Спустились ли турки со скалы? Наверное, ищут-рыщут меня. Погоня, если она и была, отстала. По следам на песке меня, может, и найдут, но только когда светать начнет. К тому времени надеюсь быть отсюда далеко.

Впрочем... Я же собиралась обменять скопированный текст на пленных археологов и свои вещи. Правда, текст неполный. Зато у меня имеется перстень! Уверена, что он безумно дорог мистеру Бейкеру, лопухому черту.

Вернуться к лагерю? Чтобы сделать это, нужно обратно подняться на сотню метров.

Я задрала голову. Черный массив прибрежных скал выделялся на фоне темного неба. Нет, скалолазанием заниматься мне сейчас не хочется. Пальцы зверски болят... Вот если бы найти тропинку, которая ведет наверх!

Пройдусь-ка, пожалуй, по пляжу.

Когда начало светать, выяснилось, что скалы стали более пологими. Краешек солнца появился над морем, и я наконец наткнулась на дорожку между скал.

Тропинка извивалась в россыпях валунов, и вскоре море исчезло за ними. Я надеялась выйти к скалистому обрыву, как возле Гюзельнака, но протоптанная дорожка уводила все дальше и дальше. Если свернуть с нее, то придется прыгать по этим валунам, а я и так еле ноги волочу. Ладно, куда-нибудь все равно выйду.

Так я и заблудилась. Поняла это, когда скалистые россыпи закончились, а горизонт закрыли горы и горные отроги. Даже не могла понять, в какой стороне осталось море. Кругом – холмистые луга, редкие сосны, возделанные поля...

Осмотрев себя, устыдилась своего внешнего вида. Все-таки разгуливать без юбки не очень прилично. А современные женские трусики и не трусики вовсе, а так – видимость одна. Ночью еще куда ни шло, но днем... Надо бы чем-то прикрыть бедра. Неожиданное решение созрело на капустном поле.

Минут пять я стояла, задумчиво глядя на пугало, точнее, на его драные шаровары. Затем, вздохнув, стащила их.

Натягивая огромные, пахнущие псиной штаны, я ощущала угрызения совести. Впервые в жизни взяла чужую вещь. Мой дедушка учил, что, начав с малого, в дальнейшем воровская жизнь засасывает как водоворот. Я представила себя в камере, где девки-уголовницы делятся историями: «Ты с чего начала, а ты с чего?» Я опушу ресницы, всхлипну и тихо отвечу, что начала с ограбления огородного пугала...

Чтобы штаны не так бросались в глаза, я выправила наружу бывшую когда-то белой блузку. Смешно, конечно, каждый поймет, что я за птица, только глянув на мои босые ноги.

Я отчаянно пыталась выбраться к морю, чтобы найти лагерь. Но вместо этого около шести утра набрела на селение.

На пологом склоне в окружении невысоких сосен и тополей выстроились рядами несколько десятков глинобитных домиков. Дорога, на которую я вышла, была проселочной. Вряд ли здесь благополучно процветает цивилизация. Хотя... откуда-то с гор к селению тянулись нити проводов.

Планы меняются. Все равно мне не найти лагерь. Быть может, в селении отыщется телефон, чтобы вызвать полицию?

А нет ли полиции прямо тут, на месте?

Я еще раз оглядела жалкие домики на горном склоне и пришла к выводу, что вряд ли сюда поставят полицейский пост.

Шла, стараясь не выходить на середину улицы. Пряталась в тени высоких кипарисовых кустов. Вдруг тут живут исламские радикалы? Увидят женщину без

паранджи и засекут розгами до смерти. Я не очень похожа на турчанку – пусть волосы и черные – да кто будет разбираться?

Где же найти телефон?

За перекрестком увидела здание из серого камня. У дверей висела табличка, но слишком далеко – надпись не разобрать. Я пересекла дорогу, на которой отпечатались в пыли следы копыт и колесной повозки. Вот такая здесь цивилизация, значит. Полиции уж точно нет. Но телефон должен быть. Раз есть провода.

Турецкий я знаю плохо, однако разобрала на табличке слово: «Музей...» Громко постучала в дверь, и от моих ударов она распахнулась. Оказывается, была не заперта. Хорошо люди живут, ничего не боятся. Завидую такому быту. Вот выйду на пенсию и уеду из душной Москвы. Поселюсь в захолустье. Буду пасти коз, выращивать огурцы в парниках. И двери на ночь не стану запиравать...

Я вошла внутрь.

– А ну пошла прочь, оборванка! – раздался откуда-то низкий женский голос.

Наверное, эта женщина – сторож. А может быть, смотрительница музея, которая здесь живет?

В комнате было темно, но я разглядела стеллажи и клеенную доисторическую керамику на них. Повернув голову, увидела свое отражение в стеклянной дверце книжного шкафа.

Представляете меня, да? Чумазая, черноволосая девчонка. Штаны – словно колокола, на колене заплата. Из-под штанов выглядывают босые побитые ноги. Самая настоящая бродяжка.

– Ты слышала меня? – грозно воскликнула женщина. – Иди прочь!

– Меня... ограбили... – с трудом произнесла я. Губы пересохли и, кажется, раздулись. Последний раз я утоляла жажду великолепным красным «Шардоне» из запасов Гродина, но это было семь часов назад! – Помогите мне...

пожалуйста...

Вот беда! Больше ничего не могу вспомнить. Турецкий... Я его не изучала специально. Так, нахватаюсь слов на улице. Он образовался из смеси наречий тюркских племен, обитавших в Анатолии, а старотюркский язык я не знаю. У нас Верочка Шаброва по нему специалист.

- Иди вон! Придумай что-нибудь получше, оборванка! У меня нет для тебя милостыни!

От безысходности я заговорила на английском. А что делать, если тебя не понимают?!

- Простите, со мной произошло несчастье! Я – гражданка России. Я ученый, специалист по древним языкам. Меня ограбили. Лишили денег и паспорта... - Тут я взмолилась чуть не до слез: - Помогите, пожалуйста!

Женщина напряженно молчала. Я видела половину ее лица из-за шкафа. Пожилая, в платке, с суровой складкой губ. И взгляд... слишком недоверчивый, чтобы она вняла моим мольбам.

Я заговорила на французском. Потом по-немецки. Когда собралась перейти на иврит, она оборвала меня:

- Ты в самом деле специалист по языкам? - спросила женщина на ломаном английском.

- Да! - Я радостно закивала.

- Это можно проверить.

- Проверить? - удивилась я.

Постоять полчаса под душем, а потом завалиться на первый же топчан и выспаться – вот что занимало мои мысли. Но о том, чтобы переводить, скажем, со скифского – я думала меньше всего.

Женщина вышла из-за шкафа. На голове повязан светлый платок, украшенный рисунком оливковой ветви. Темное платье с неброским национальным узором. Лицо суровое, неприветливое. Женщина напомнила мою школьную учительницу математики, которую мальчишки прозвали «Иван Грозный».

Она поманила меня согнутым пальцем, и я двинулась следом за ней. Свет в комнатах не горел, экспонаты на стеллажах озарялись солнечными лучами, робко пробивающимися сквозь небольшие окна. Здесь находились и фрагменты лидийских статуэток, и греческие амфоры, заботливо склеенные из осколков, и обломки изъеденного ржавчиной персидского оружия...

Женщина подвела меня к столу и зажгла лампаду, от которой потянуло едким масляным запахом. Интересно, зачем столько проводов идет к селению, если электричества все равно нет?

На столе лежала глиняная табличка с клинописным текстом. Я наклонилась очень низко. Близорукость со студенческих лет – мне нелегко давались знания. Мои очки остались в баулах. Как и перчатки «Баск», как и помада «Хелена Рубинштейн» с духами «Нивея»...

Пятый или шестой век до нашей эры. Текст на древнеперсидском. Я его знаю, но словарь бы не помешал.

– «...покрытые дивной зеленью горы, – начала я. – Его реки кристальны, а леса полны зверя и птицы. Море...» Тут двойное прочтение. Либо «встречает ласково», либо «встречает бережно... войско царя царей, владыки всех людей от восхода до заката...»

Я подняла глаза на женщину и увидела, что она записывает мои слова.

– Что вы делаете?

– Пятнадцать лет эта находка оставалась непереуевденной, – ответила женщина. – Говорили, что в Измире, в музее истории есть специалист по древним языкам, но до Измира мне не добраться...

Я отошла от стола, нерешительно глядя на женщину. А она продолжала:

- Этот текст описывает наш край. Таким его увидел персидский царь Дарий, когда пришел покорять греческие владения. Он был поражен красотой этих мест и оставил свои помыслы.

- Вы содержите музей?

- Это история нашего селения. Я собирала ее по крупичкам в каменоломнях и скалах, подбирала экспонаты на свалках. Знаете, иногда люди думают, что выбрасывают рухлядь. А ведь она оказывается исключительно древней.

- Какой вы заканчивали университет?

- О нет, - скупо улыбнулась женщина. - Крестьянам это не дано.

- Значит, вы - археолог-самоучка?

- Наверное, любитель. Мне стоило огромных трудов собрать эту коллекцию. Жаль только, что туристы к нам почти не забредают... Спасибо вам за перевод.

- Я действительно лингвист.

- Я верю, - ответила женщина. - С вами случилась беда?

- Мне нужен телефон. У вас в селении найдется телефон?

- Он есть. Только не работает вот уже неделю - где-то случился обрыв. Нужно сообщить на станцию, но никто в город не ездил последние дни.

- Как все отрицательно! - сказала я и закусила ноготь. Наверное, отгрызла бы, но у меня, как у медсестры, ногти короткие. На склоне длинные ногти обломаются после первых десяти метров прохода.

- А имеется у вас какая-нибудь служба правопорядка?

- Имеется, - ответила женщина, и я облегченно вздохнула. - Хасан Айнул. Скоро будет сорок пять лет, как он наш единственный полицейский. А еще он

пчеловод. Его мед самый лучший в округе.

Сорок пять лет на службе! Даже не хочу думать, каков возраст этого знатного пчеловода. Вряд ли старикан справится с бандой головорезов Бейкера.

К дому-музею примыкал сарай, в котором и жила женщина. Она обработала йодом мои пальцы и вскипятила воду для мытья. В тесной кадке с горячей водой я незаметно уснула. Проснувшись оттого, что женщина трясла меня за плечо.

- На улице появились какие-то люди с оружием, - сообщила она.

Я тут же вскочила. Нельзя было задерживаться у доброй турчанки. Наступило утро, и люди Бейкера двинулись по следам моих босых ступней. Естественно, следы привели в селение. Вот дурная голова! Кто? Я, конечно.

- Я долго спала?

- Минут десять.

Чувствовалось, что недолго. Меня шатало, в ногах гирями перекатывалась усталость, голова тупая - мысли двигались с изяществом бульдозера. Чашечка крепкого кофе, может быть, привела бы меня в порядок, но нет времени на это.

Женщина сунула мне в руки темный халат с цветочками, свой платок с оливковой ветвью и простенькие туфли. Я быстро оделась, глянула на себя в зеркало. Ну, турчанка, ей-богу! Сфотографироваться бы на память, да некогда и фотоаппарата нет.

В дверь дома-музея внезапно забарабанили так, что сердце подпрыгнуло в груди. Хорошо, что мы находились в пристройке, которую не заметно с улицы. Я спешно надела на шею цепочку с тяжелым перстнем, сунула в платок кальку.

- Пойдем быстрее! - сказала женщина.

Мы незаметно покинули сарай и скрылись в зелени кустов. Краем глаза я заметила яркий оранжевый джип с открытым верхом, остановившийся посередине дороги. На его борту красовались нарисованные языки пламени.

Лопухий мерзавец сидел на месте водителя, скрывая глаза за черными круглыми очками, как у слепого.

Пригнувшись, мы побежали к деревьям на заднем дворе. За вереницей низких густых сосен, иголки которых были размером с палец, нас ожидал ишак. Привязанный к дереву, он грустно посмотрел на меня.

– Садитесь! – сказала турчанка, водружая на спину животного пару сумок, связанных за ручки. – Он знает путь. Горная тропинка ведет через перевал. За ним – дорога к городу Секе. Эти мордovorоты – не местные. Им неведомы потайные тропы.

– Даже не знаю, как вас благодарить.

– Все в порядке. Переведа текст, вы очень помогли мне.

– А как же ишак?

– Когда вы слезете с него, вернется обратно. Он старенький, но очень умный.

– Спасибо вам! – Я произнесла это от всего сердца. – Спасибо огромное!

– Торопитесь!

* * *

Никогда не ездила на ишаке. Кто не знает – это такое животное, раза в два меньше кобылы. Когда сидишь на нем, ноги волочатся по земле. Мои, по крайней мере, волочились.

Скоро мы скрылись в скалах. Ишак медленно взбирался в гору по знакомой только ему тропинке, и я доверилась бессловесному животному. В Святом Писании обычно говорят – «тварь», что-то вроде «каждой твари по паре», но у меня язык не поворачивался так назвать моего проводника.

Селение сначала виднелось за валунами, а потом пропало, оставшись внизу. Некоторое время я смотрела на тропинку, голова раскачивалась из стороны в сторону. Потом вспомнила о сумках, сунула в одну из них руку и вытащила на свет холодную лепешку и пару апельсинов. Со стоном я вгрызлась в апельсин, сладкий сок брызнул в стороны.

Насытившись до приятной тяжести в животе, я некоторое время смотрела на тропу. Потом от мерного покачивания меня сморило. Сон накатился, обхватил, закружил...

Когда я очнулась, то обнаружила перед собой огромное око с серым выцветшим зрачком. Око моргнуло, и я едва не взвизгнула. Но потом обнаружила, что лежу на осле, преданно обхватив его щетинистую шею руками, словно шею любимого.

Осел не двигался. Я удивленно подняла голову.

Мы стояли на пустынной дороге, петляющей по склонам. Вдалеке виднелся город. Позади высилась гора, с которой мы, по-видимому, спустились. Тропинка закончилась, и ишак терпеливо ждал, когда я соизволю проснуться.

Я слезла с животного и с трудом разогнула поясницу. Над головой сияло жаркое солнце. Неужели полдень? Сколько же я проспала? Часа три, не меньше.

Ишак вопросительно смотрел на меня.

– Ну все, иди! – сказала я ему, махнув рукой. – До города доберусь сама.

Ишак не двигался.

– Что же ты? Давай, иди назад. Тебя хозяйка ждет.

Ишак продолжал стоять на месте, проявляя истинно ослиное упрямство и полностью игнорируя мои слова! Ах да – на нем осталась пара сумок с продуктами. Я пожала плечами и сняла их. Как только спина освободилась, ишак развернулся и, цокая копытами, направился к едва заметной тропинке, ведущей в гору.

Я усмехнулась и водрузила сумки на плечо. Тяжело, но и не такое таскала. Например, рюкзак со снаряжением, когда шла на скалу. Или те же баулы вчерашние, в которых остались все мои вещи...

Через тридцать минут я прошла мимо таблички «Секе» и вскоре оказалась в городе. В общем, не такой большой, как Измир, хотя я и Измир толком не видела. А этот – совсем маленький городишко. Дома низкие, в основном не больше двух этажей. На фоне гор возвышались острые пики минаретов, а на здании под ними пламенела реклама «Мальборо» и «Кока-колы». И что американцы делают с миром!

На улицах гомонили люди, гудели автомобили, иногда раздавался резкий рев ишаков. На меня никто не обращал внимания. Возле лавки, торгующей пряностями, я заметила полицейского. Своим огромным брюхом он едва не смахнул с прилавка чашечки с корицей. А лицо у него – ну, типичный азербайджанец! Такой же надменный и важный.

– Простите, мистер... – Я сразу заговорила на английском: – ...со мной случилось несчастье. Я – гражданка России, меня ограбили.

Он повернулся ко мне недовольно, в руках дымилась чашка чая.

– Зачем по-чужёму говоришь, раз из России? – писклявым голосом откликнулся он по-русски. – Ну, что у тебя случилось, что?

Я смотрела на него дикими глазами. Ожидала чего угодно в этой стране, но только не полицейского, который разговаривает, словно продавец абрикосов с рынка возле моего дома в Москве.

– Ну, чего уставилась? – продолжил он, всем видом показывая, что я ему мешаю. – Из Азербайджана я. Ну что, что тебе нужно?

– Меня зовут Алена Овчинникова. Я из лагеря археологов на побережье. Хочу сообщить, что его захватили бандиты. Мне удалось бежать, но в заложниках остались двое граждан Великобритании.

По мере того как я говорила, глаза бывшего соотечественника округлялись. Удивительно, что моя история так его поразила!

Мой собеседник вернул чай на прилавок, продолжая пожирать меня глазами.

- Не знаю, там ли еще бандиты, но лучше поспешить. - Я перевела дух. Говорила так быстро, что запыхалась. - Они у меня отобрали все деньги, документы...

Толстяк-азербайджанец (никак не поворачивается язык назвать его полицейским) неожиданно проворно схватил меня за руку.

- Что вы делаете? - удивленно воскликнула я, наблюдая, как вторая рука азербайджанца ползет к кобуре.

- Попалась! - закричал он.

- Пойдите, вы меня с кем-то перепутали.

- Ничего не перепутал! - Он расстегнул кобуру и взялся за рукоять пистолета. - Чеченская террористка! Я поймал чеченскую террористку! Будет мне премия!

Ну и остолоп! И как такого взяли на службу? Я - самая что ни на есть русская в пятом или шестом колене. На чеченку ни капли не похожа... Вот остолоп!

Однако ошибка грозила обернуться неприятностями. Азербайджанец уже достал пистолет, но в ковбой, видимо, в детстве не играл. Пистолет запутался в его толстых волосатых пальцах. Хотя в этом повезло! А в остальном... Что же такое со мной происходит? Может, плюнула не туда? Черная кошка дорогу перебежала? На солнце бури, или планеты сошлись во враждебную комбинацию?..

Я не стала ждать, пока горе-полицейский разберется с пистолетом. Неизвестно, что он будет с ним делать. Этот ненормальный ведь упоминал про награду, а вдруг ее дают за мертвую голову?

Я схватила с прилавка щепоть красного перца и бросила ему в лицо. Читала, что это средство похлеще любого слезоточивого газа.

Азербайджанец пронзительно завопил и отпустил мою руку. Я бросилась наутек. Люди расступались перед растрепанной черноволосой девушкой с сумками на плече, и я неслась, чувствуя себя преступницей. Дедушка всегда говорил, что, если ты бежишь от закона, значит, совесть нечиста. Что же нечисто в моей совести?

Пришлось свернуть в переулок, потому что люди оборачивались на меня. Что, бегущих женщин не видели? Постройте легкоатлетический стадион и ходите туда почаще.

Переулок вывел на другую улицу, на которой было намного меньше людей и торговых лавок. Что же теперь делать? Бежать в полицию? Где вероятность, что там не сидят земляки этого толстяка, которые тоже примут меня за чеченскую террористку?

Рядом с магазином бакалейных товаров на стене из пористого песчаника висел листок бумаги. Еще влажный – только что наклеили.

Я взглянула на него и поняла, что полицейский вовсе не остолоп и ничуть не ошибся. Он прекрасно знал, кого собирается задержать. На листке красовалась моя фотография с паспорта, который остался в руках мистера Бейкера. Текст гласил:

«Внимание!

За совершение тяжких преступлений разыскивается чеченская террористка Алена Овчинникова. Будьте внимательны, эта женщина опасна!

Если вам что-нибудь известно о ее местонахождении, обязательно сообщите в полицию или позвоните по телефону: 232-733-242».

Я читала все это, и мурашки бегали по коже. Вот теперь самое время прикрыть лицо паранджой!

Мне не выбраться из Турции. Проклятый Бейкер обложил со всех сторон. Он не позволит уйти, пока я не передам ему кальку с текстом и перстень... Да, есть над чем подумать! Что особенного в старой легенде, из-за которой Лопухий готов затравить меня, как бешеную собаку?

В любом случае, нужно покинуть Секе. Полицейский-азербайджанец промоет глаза, допьет чай и поспешит сообщить в управление, что видел в городе опасную террористку. И мне устроят такую головную боль, что мало не покажется. Пока есть время, надо покинуть город. Только куда податься?

Раскинув мозгами, решила ехать в Измир. Город крупный, даст бог, затеряюсь там – не найдут. Из Измира можно переправиться в Стамбул, где находится российское посольство. Наши, правда, могут не разобраться. Арестуют чеченскую террористку на всякий случай, хоть и не знают такую. Но там уже будет другой разговор. Я готова отправиться в Россию хоть в клетке и в кандалах. Только бы вернуться домой!

Автовокзал нашла довольно быстро. Не знала, где добыть денег, однако немного турецких лир обнаружилось в сумке. Спасибо любительнице археологии. Никогда не забуду эту женщину.

Я купила билет и направилась к автобусу, но издалека увидела у входных дверей полицейского, который проверял лицо каждой входящей женщины.

Во мне словно все умерло. Полиция сработала оперативно. Что же делать?

Рядом под навесом стояла небольшая печь для приготовления лепешек. Я провела пальцем по вымазанному сажей ободку и жирно намазала брови. Затем разломила пополам абрикос и сунула дольки за щеки. Этого мне показалось мало, я извлекла апельсин и брызнула соком в глаза. Защипало так, что мама не горюй! Аж слезы потекли! Теперь глаза будут красные, как у рака.

Взгляд полицейского задержался на моем лице, и я едва не ударилась в панику. Благо гомон торопящихся на автобус турецких крестьян заставил его поспешить с решением. И он пропустил меня!

Окрыленная, я влетела по ступенькам в салон. Устроилась на заднем сиденье в самом углу.

Автобус набился под завязку. Люди толпились в проходе. В основном бедно одетые крестьяне с мешками и котомками. Когда автобус тронулся, где-то впереди завизжал поросенок. Веселая компания.

Город закончился быстро, и автобус стал подниматься в гору. Я некоторое время глядела в окно на склоны, поросшие хвойными деревьями, а потом достала кальку с текстом.

На отпечатке с рельефа человек с вытянутым лицом парил над толпой. Загадочный человек, надо сказать. Кроме странной головы у него были длинные руки с неправильным сгибом локтей. Художник как будто допустил небрежность. Руки людей в толпе были совершенно нормальными, а у этого... Возможно, зубило соскользнуло, или скала раскрошилась, поэтому предплечье получилось намного длиннее плеча.

Еще некоторое время смотрела на рисунок, ничего не понимая. Если художник допустил брак, то почему только в этом месте? Остальные элементы рисунка безупречны. Неужели простая случайность? Или художник хотел показать именно такую руку человека?

По негативному оттиску невозможно сделать точный вывод. Было бы неплохо вернуться на скалу и изучить рисунок с лупой... Ладно, пока обратимся непосредственно к тексту.

Автобус подпрыгнул на кочке. На мою кальку посыпались куриные яйца из чьей-то корзинки. К счастью хозяйки, и моему тоже, ни одно не разбилось. На удивление.

Женщина с извинениями собрала яйца. Я вернулась к изучению наскальной надписи.

Текст составлен на древнегреческом. Судя по шрифту, относится к периоду ранней Греции, седьмой-восьмой век до нашей эры. Гродин упоминал, что Великий Сказитель жил примерно в это время. Обычно Майкл делает предположения, основываясь на характерных особенностях предметов – горшков, настенных рисунков, оружия. Иногда, когда сомневается, заказывает радиоуглеродный анализ. А я вот по тексту определяю. Хорошо, что наши

датировки совпали.

Рассветным солнцем Астелия, царственная дочь, повстречала юношу... – прилагательное не прочесть, – Эндельвар нареченного. – Следующая строка стерта, а дальше: – Полюбила его без памяти. Царь Геросузнал о тайном влечении, юношу повелел изловить и... – наверное, «казнить». Дальше стерт целый кусок. Различались лишь слова «царские воины», «Эндельвар», «заклученный». Потом: – Птицы вещие донесли до Астелии весть горькую. И воскликнула дева в отчаянии: нет мне места среди живых, а только на... – Сколот кусок. Осталось только «Асфо.....га». Очевидно, подразумевались Асфодельные луга царства Аида – царства мертвых.

Затем текст пошел более-менее читаемый:

Взобралась на вершину великого храма, глазам города на обозрение.
Проклятиями осыпая отца своего, кинуться вниз готовая.

Донеслись речи страдания до ушей заточенного юноши. – Значит, девушка подумала (или ей донесли), что Эндельвар казнен, а юношу лишь заточили в темницу. Теперь стал понятен смысл пропущенного куска.

Так, что же дальше?

А дальше начался миф. Кстати, знаете, что с древнегреческого «миф» переводится как «слово»? Так-то!

Вознегодовал... юноша и взлетел из темницы на крыльях любви. Промчался изумленных людей над головами, царя Героса изумленного то... тоже.

Не увидела Астелия возлюбленного, кинулась с крыши ликом светозарным...

Снова провал на несколько строк. Я прочла только «горечь» и «небесные слезы». Далее:

... в гибели дочери обвинил, отправился с войском в погоню... – Что-то «летел», а окончание: оглядки не тая. Полет прекратил свой на пике кручинистом.

Дальше царь Герос вроде как осадил гору.

Пыточной смертью решил... наказание. И замурован, и преградами хитрыми устлан. – Снова провал. – Каждый год с той поры... горестный... – Очевидно «в день горестный». —... Царь являлся к пещере, чтобы видеть мучения. Слово не ведает, кто смерть принял первым. Царь дряхлеющий или навечно Эндельвар заточенный.

Вроде все. Странно, я четко помню, что четверть текста не успела скопировать, а по смыслу легенда закончена. Что же там еще было? Ладно, чего мучиться? Не поворачивать же автобус.

Итак, о легенде. Что можно сказать? «Ромео и Джульетта» в древнегреческой интерпретации. Нужно проверить, существовал ли царь Герос, да и про Великого Сказителя стоит поискать информацию. Кстати, Гродин упоминал, что опубликовал предварительные результаты раскопок в журнале «Археологический вестник». Хорошо бы просмотреть его отчет. Нужна библиотека университета, в котором имеется исторический факультет.

Теперь вернемся к главному. Зачем этот текст понадобился американцу по фамилии Бейкер? Он не имеет ценности, кроме исторической или филологической. Обычная драма с элементами сказки. Может, Бейкер писатель и ему потребовался оригинальный сюжет, чтобы стать самым продаваемым автором мира? Так Шекспир его опередил на несколько веков.

Заложило уши, словно при подъеме или спуске самолета. Я выглянула в окно. Автобус медленно карабкался в гору, преодолевая перевал. Видимо, мы настолько высоко забрались, что разреженный воздух дает о себе знать.

Я вернулась к тексту, и взгляд остановился на картинке. Шальная мысль мелькнула в голове. А что, если...

Единственным неправдоподобным моментом в тексте является полет юноши. Все остальное могло быть реальной историей, но это... Это и есть сказка.

Эпизод занимательный. Древнегреческие тексты довольно витиеваты и глубоко образны. Не верите – почитайте Гомера. Например, если Одиссей сталкивается с чудовищем, то оно олицетворяет какой-либо человеческий порок; если рисует

покорное ожидание Пенелопы, то подразумевается, что в женщине основное – верность. Значит, Пенелопа, сиди и жди, пока Одиссей развлекается за морями. Хороши рассуждения! Вот она, сущность мужиков. И сказки написали под себя. Ну да бог с ними... Если древнегреческие тексты образны, то полет юноши может означать силу чувства, волю к свободе или еще что-нибудь...

А вдруг полет был настоящим? А вдруг кольцо...

Я достала перстень и продела в него палец... Ничего не произошло. Как сидела, так и осталась на месте. Ерунда какая! Мне ли верить в реальность сказок?

Я спрятала кольцо.

Глава 4

Город Измир, и как мне там было туго

Если в автобусе я и мечтала, что добьюсь правды в Измире, то, прибыв в этот крупный портовый город, быстро поняла, что моим надеждам не суждено сбыться.

Большие часы на площади перед автовокзалом показывали четыре часа вечера. Сумки с провизией опустели где-то наполовину, осталось несколько яблок, пара пресных лепешек и пара миллионов турецких лир, что эквивалентно одному доллару. В Турции жуткая инфляция, потому что никто не платит налогов. Для здешних торговцев кассовый аппарат – такая зарубежная диковинка.

На вокзале купила дневную газету и немецко-турецкий словарь к ней. Однако, чтобы понять содержание передовицы, словарь не требовался.

На первой полосе под заголовком, набранным аршинными буквами, помещены рядом две фотографии. Одна моя – с паспорта. На другой – лагерь Майкла Гродина рассветным утром.

Я отошла в тень уличного кафе, чтобы не разрыдаться на глазах толпы. Опустилась за столик и принялась переводить текст, хотя фотографии уже красноречиво сказали все.

«Сегодня рано утром в лагере археологов на побережье Средиземного моря неподалеку от города Кушадасы найдены тела зверски убитых граждан Великобритании. Профессор Йоркского университета Майкл Гродин и его помощник Чарльз Фарингтон проводили археологические раскопки древнегреческих захоронений. Преступление поражает своей бессмысленностью. Полиция подозревает в убийствах гражданку России Алену Овчинникову, которая уже разыскивается Интерполом за совершение террористических актов в Чеченской республике...

Вот что сообщил нам офицер Интерпола Джон Бейкер...»

Джон Бейкер? Лопухий предводитель турецких головорезов – офицер Интерпола? Я впились глазами в строки.

«Алена Овчинникова давно разыскивается спецслужбами России за организацию взрывов на территории Чечни, нашей службой – за подрыв американского посольства в Танзании. Совершенное преступление – еще один террористический акт. Мы надеемся задержать преступницу на территории Турции...»

Дальше следовало стандартное:

«Будьте внимательны! Всех, кто знает о местонахождении Алены Овчинниковой, просим сообщить...»

И так далее.

Минут десять я рыдала, утираясь газетой. Перед глазами стояла фотография, на которой трупы Гродина и Чарльза распластались между палаток на том самом месте, где несколько часов назад находились мои сумки, а я, прячась в темноте, пыталась вытащить из них ридикюль. За что они убили Гродина? Майкл был далек от политики и бизнеса, его интересовала только история... А Чарльз? Ему не исполнилось и тридцати...

Почему полиция не обратила внимания на множество чужих следов? Земля в лагере должна быть перепахана огромными мужскими ботинками. Только слепой не заметит, что в лагере происходило нечто.

Или местная полиция во всем потакает офицеру американского отделения Интерпола Джону Бейкеру?

Боже, как тошно!

Несмотря на обилие людей вокруг, я чувствовала себя одинокой. Мне было хуже, чем прошлой ночью.

Тогда казалось, что достаточно улизнуть от бандитов и сообщить обо всем в полицию... Что делать теперь, когда меня во всеуслышание назвали убийцей? И ничего не докажешь! Ведь я – женщина без документов, без гражданских прав... Без надежды...

* * *

Минута разговора с Москвой стоила двадцать пять центов. Я заказала две и долго думала, кому позвонить. Когда все же приняла решение, то никак не могла произнести номер оператору. Молодая миловидная девушка терпеливо смотрела на меня через окошко. Нет, я не забыла номер. Дело в другом. Я сильно сомневалась в этом человеке.

Из трубки неслись длинные гудки. Я ждала, затаив дыхание, и мне казалось, что он никогда не возьмет трубку.

– Алло? – раздалось на другом конце провода.

– Алексей, это я, Алена.

– Аллочка, это ты?

Я устало закрыла глаза. Господи, почему я вздумала звонить именно ему? Ведь у меня столько хороших знакомых!

Позвольте представить типичного Одиссея. Мой бывший муж Леха Овчинников. Уже не мальчик, а не прекращает путешествий по барам и ресторанам. Думал, что я, как Пенелопа, буду терпеливо ожидать, пока он с сиренами нагуляется...

Так мы и разошлись.

Голос Лехи, поднявшего трубку, не оставлял шансов. Тембр на тон выше, чем обычно, некоторые слова удаются с трудом. Я наблюдала его таким, когда он возвращался под утро. Леха был пьян.

– Леха, это я! Алена!

– Какая Алена? – серьезно спросил он.

– Леха, где ты нализался среди бела дня? Как тебе только не стыдно!

– Вы кто? – осторожно спросил Овчинников. Нет, ситуация становилась забавной. Я хохотнула, но это была нервная реакция.

– Я твоя бывшая жена, дубина!

– Алена, что ли?

Дошло, наконец!

– Алексей, попытайся взять себя в руки и выслушай меня. Это очень важно.

– Алена, у нашего бухгалтера был юбилей. Мы с Черегой... тьфу, Серегой немного выпили... – Очевидно, вообразил, что я его допрашиваю. Будто мы по-

прежнему живем вместе. Вот идиот!

- Алексей!! - рявкнула я. Он заткнулся, но слышит ли? - Со мной случилась беда. Мне срочно необходима твоя помощь.

- Сейчас приеду! - По тону я поняла, что Леха готов бросить трубку и отправиться на мою пустую квартиру. Я прочувствовала его реакцию за полсекунды до окончания фразы:

- Нет! Не клади трубку! Слышишь?

- Да... - Голос приблизился.

- Леха, я нахожусь в Турции. У меня украли все деньги и документы. Вдобавок ко всему... - Я снизила голос до шепота. - ...меня разыскивает полиция.

- Ты шутишь? - произнес мой «Одиссей».

- Не шучу! Овчинников, это все очень серьезно! Моя жизнь зависит целиком от тебя!

- Слушай, я чего-то плохо понимаю. Откуда ты звонишь?

- Леха, я пропадаю в Турции! Ты должен прилететь в Измир завтра же и привезти пять тысяч долларов! Я буду ждать тебя весь день возле башни с часами на площади Конак. Ее все знают, это символ города.

Он коротко хохотнул и спросил тихо так, вкрадчиво:

- Алenuшка, милая... ты чего, сдурела?

Я обозлилась.

- Слушай, тамада на юбилеях, у меня денег ровно на звонок тебе и краюху хлеба. Как только краюха закончится, начну помирать с голода. Если я умру, виноват будешь только ты, поскольку не прилетел быстро!

- Повтори еще раз, что тебе надо? - Его речь еще невнятна, но, кажется, идет протрезвление.

- Ты должен прилететь в Турцию, в город Измир! Привези пять тысяч долларов. На площади Конак найдешь башню с часами. Там я буду ждать тебя весь завтрашний день.

- Куда?

- В Турцию! В Измир!

- А где я возьму билет на самолет?

- В авиакассе!

- И чего нужно?

- Привезти мне пять тысяч долларов!

Эти слова его окончательно взбудрили.

- Где же я столько возьму? - удивленно произнес он.

- Где хочешь... Алло! - В трубке что-то щелкнуло, а затем голос оператора произнес по-английски:

- Ваши две минуты истекли.

Я хлопнула трубку на рычаг.

Господи, ну зачем я позвонила Овчинникову! Только деньги просадила. Вот болван! Не ожидала, что он окажется пьян в пять часов вечера... Что теперь делать?

Придется ждать... Если Леха не прилетит, я погибла. Разве что освоить профессию бродяжки?

Буду скитаться, пока меня не поймают...

Люди на улицах города спешили по своим делам. Пора бы и мне чем-нибудь заняться.

* * *

– Извините, вы не могли бы помочь?

Человек, поднимающийся по ступенькам библиотеки университета Измира, обернулся. Правильно, что я выбрала его. Подтянутый, интеллигентный старичок в красной турецкой шапочке – феске.

– Вы понимаете меня? – спросила я, потому что говорила на английском. Это могло вызвать подозрения, ну а что прикажете делать? Залечь на дно и ждать завтрашнего дня, пока Леха не привезет деньги? А если не привезет?.. Нужно выкарабкиваться из этой истории.

– Может быть, вы говорите по-французски?

– Я говорю на многих языках, молодая леди, скрывающая лицо платком, – на великолепном английском ответил старик.

– Ой, простите... Вы не могли бы помочь мне?

– В чем же, интересно?

– У меня нет читательского билета, а просто так в библиотеку не пустят. Мне очень нужен «Археологический вестник» под номером четыре за нынешний год, британское издание. Вы не могли бы взять его на себя? Завтра утром я верну его вам, где бы вы ни жили, честное слово!

– Даже если я проживаю в Стамбуле?

Неудача. Как жаль, я тридцать минут выбирала человека, которому могла бы довериться.

- Простите... - Повернулась и пошла.

- Куда же вы, молодая леди! - воскликнул он. - Проблем будет гораздо меньше, когда вы научитесь отвечать так же хорошо, как знать иностранные языки и задавать вопросы. Я действительно проживаю в Стамбуле. А в Измире временно, остановился в гостинице.

Я вернулась к нему.

- Что же вы так покраснели?

- Извините, - пробормотала я.

- Вы можете подождать минут пятнадцать? Мне нужна книга Фикрета Баскайя, ну и неизвестно, сколько будут искать ваш журнал.

- Конечно! - радостно и слишком громко воскликнула я. Гуляющие по дорожкам студенты даже стали оборачиваться.

- Я дождусь вас, - заверила его более спокойно.

- Тогда будьте во-он на той лавочке под дубом.

С этими словами он скрылся в дверях библиотеки.

Мое ожидание длилось не больше, чем обещал интеллигентный старичок. Он появился на ступеньках, держа в руках красный том и маленькую белую брошюру. Последняя досталась мне.

- Огромное спасибо! Я вам так признательна!

- Да не за что. Меня, кстати, зовут Камаль.

– А меня Алена... то есть... – Выболтала все-таки! Не удержалась! Вот он – мой язык проклятый. Я повесила голову.

– Не волнуйтесь, – сказал старичок. – Надеюсь, никто, кроме меня, не заметил, что вы – та самая Алена Овчинникова.

– Вы догадались?

– Как только увидел вас. На первый взгляд вы похожи на местных женщин. Одеты, как турчанка, и у вас черные волосы. Но лицо европейское. Отсюда следует, что вы либо сменили гражданство, либо скрываетесь. И я вспомнил о громких заголовках в утренних газетах.

Я попыталась вскочить, но он удержал меня за руку.

– Не беспокойтесь, я не верю, что вы совершили чудовищные преступления, которые приписывают вам газеты.

– Это почему же?

– У меня все-таки голова есть на плечах. Мне показалось маловероятным, чтобы хрупкая девушка расправилась с двумя взрослыми мужчинами.

– Может быть, я очень сильная девушка?

– Может. Но вас отличает великолепное владение иностранными языками.

– Чтобы побеждать врага, нужно знать его язык.

– Трудно представить себе террориста, фотографии которого расклеены на всех углах, идущим в библиотеку и интересующимся «Археологическим вестником».

Я не выдержала, слезы полились из глаз.

– Меня подставили... Я приехала работать... Меня сначала едва не убили, а потом убийцы и обвинили в этих... этих преступлениях...

Он нерешительно кашлянул.

– Я могу вам помочь?

– Вы уже помогли. «Археологический вестник» очень важен... Я готова вернуть его завтра. Куда мне подойти?

– Я остановился в отеле «Хилтон» на бульваре Гази-Османпаши. Давайте встретимся в восемь утра. Не заходите внутрь – не все люди задумываются над тем, что пишут в газетах. Встретимся у входа.

– Спасибо вам за все!

– Это самое меньшее, что я могу для вас сделать... Вам нужны деньги?

Нужны ли мне деньги? Не просто нужны, а катастрофически нужны! Неизвестно, появится ли завтра Леха. Есть у меня на этот счет большие сомнения.

Но я отвела глаза и ответила:

– Деньги? Нет, у меня много денег!

– Тогда возьмите еще... – И Камаль вложил в мою руку несколько купюр. – Поужинайте сегодня.

– Я не...

– Считайте это вкладом в то исследование, для которого вам понадобился «Археологический вестник».

Он поднялся, и я вслед за ним.

– Увидимся завтра, – сказал он. – В восемь утра.

– До свидания.

Какой хороший человек попался. Добрый, отзывчивый, интеллигентный... Иногда смотришь вокруг и кажется, что тебя окружают озлобленные люди. Но когда появляется такой Камаль, на душе становится теплее.

Больше всего хотелось почитать «Вестник», но это я сделаю позже. Отыщу укромное место, где мне никто не помешает, и займусь исследованием. Пока лишь открыла оглавление и убедилась, что статья Майкла Гродина имеется в наличии.

Теперь следует хорошенько познакомиться с Измиром.

Я старалась как можно меньше обращаться к людям. Камаль прав: не все такие вдумчивые, как он, а средства массовой информации имеют огромное влияние на умы людей. Любой лавочник или торговец, узнав меня, без колебаний вызовет полицию. Поэтому город изучала сама, иногда пользуясь словарем.

Измир стоит на краю моря, залитый солнцем, в окружении высоких гор. По легенде он был основан Танталом, сыном Зевса, и в древности являлся одним из крупнейших торговых и культурных центров. Смирну (так раньше назывался Измир) даже сравнивали с Троей. Город-порт несколько раз разрушали землетрясения и всякие неугомонные цари вроде лидийского Аллиата Третьего.

Где бы вы ни находились в Измире, отовсюду виден холм Пагос, на котором стоит древний дворец Кадефекале – «Бархатный замок», – возведенный еще римлянами в третьем веке до нашей эры. На бульваре Гази-Османпаши археологи обнаружили римскую рыночную площадь с колоннадой. В общем, куча древностей, но я была очарована символом города – башней с часами, расположенной на площади Конак. О ней расскажу позже.

Так вот, вокруг этих древностей (а кое-где прямо на них) выросли современные городские кварталы. Бетонные коробки домов, сверкающие пятизвездочные отели... Измир перенял эстафету от древней Смирны и продолжает оставаться крупнейшим торговым и туристическим центром.

Вдоль дорог и улиц растет множество красивейших пальм. Интересно, их специально высаживают или они сами вырастают? Я присмотрелась внимательнее.

Ага, как же, «вырастут они сами» – ровненькими рядами вдоль автотрассы и пешеходных дорожек...

Остановилась возле витрины магазина и долго любовалась турецкими дубленками. Они там такие... Просто не хватает слов, чтобы описать эту прелесть. Боже, как бы мне пошла та, беленькая, с пушистым воротником! Мои воронные волосы так и рассыпались бы по нему.

Хотелось побродить по набережной. Уж больно красива. Но там – сплошные туристы, отели... В своей крестьянской одежде я буду выглядеть нелепо. Заберут в полицию еще быстрее, чем если разгуливать, не прикрываясь платком.

И я отправилась подальше от туристического центра города, от набережной с отелями и великолепного центрального парка. Ближе к жилым кварталам. Выбрала ночное кафе, где было меньше всего народу, и села за столик, заказав кофе.

Как я соскучилась по кофе! Когда пьешь его по утрам каждый день, вроде и не замечаешь, как он бодрит. А тут, сутки без него – и меня уже ломает, словно матерую наркоманку.

Кофе освежил и придал бодрости. Я раскрыла «Археологический вестник».

Статья Майкла Гродина называлась «Фактические доказательства существования Великого Сказителя». Человек, который писал ее, был увлечен исследованием, дышал полной грудью и строил множество планов и надежд. Он даже не подозревал, что его жизнь вскоре оборвется... Вот только из-за чего? Я надеялась, что статья поможет отыскать ответ.

Гродин начал с рассказа о том, что на раскопках финикийских поселений в Тунисе обнаружил пергаменты с неизвестной доселе легендой. В предисловии манускрипта говорилось, что текст привез из-за моря финикийский купец. Он купил копию на могиле Великого Сказителя.

«Эта крошечная, непримечательная на первый взгляд легенда, – писал Гродин, – навела меня на мысль о том, что Великим Сказителем финикийцы называли Гомера...»

– Ничего себе! – пробормотала я.

А Гродин между тем на несколько страниц развернул известную гомеровскую проблему. Ведь считалось, что тексты «Одиссеи» и «Илиады» напевали нищие менестрели – барды-песенники, которые и составили цикл баллад из древних легенд и преданий. А Гомер – лишь легендарный родоначальник их племени. То есть вроде бы поэт Гомер – выдуманный образ.

«Теперь, – писал профессор Йоркского университета в заключение обширных рассуждений, – у нас появилась удивительная возможность решить гомеровскую проблему. Если Гомера финикийцы называли Великим Сказителем, а легенда скопирована с его усыпальницы, значит, слепой поэт действительно существовал!»

Идея Гродина понятна: найти усыпальницу Гомера и тем самым доказать его существование, его авторство в написании величайших поэм древности. Надо же, а я и не знала, что он занимается такой удивительной работой, помогая ему в Тунисе. Переводила отрывки надписей на стелах и плитах, успешно забывала их содержание и с чистой совестью и заработанными долларами в кармане возвращалась домой.

Статья начинала напоминать детектив. Гродин писал, что финикийцы неутомимые мореплаватели, исследователи Средиземного моря. Их поселения найдены в Африке, на Сицилии и даже в Испании. Откуда купец привез эту легенду?

Майкл совершил невозможное, проследив путь торгового каравана. Шаг за шагом исследовал каждую остановку парусных галер. В заключении Гродин писал, что, возможно, предстоящие исследования в окрестностях Измира позволят наконец завершить многовековые споры.

Все правильно. Множество городов боролись за право называться родиной Гомера. Среди них была и Смирна, то есть Измир... Жаль, что расследование оборвалось, когда Гродин уже вышел на финишную прямую. Обидно.

А ведь я находилась на развалинах усыпальницы самого Гомера! Если Гродин не ошибся... Черт побери!

Все это интересно, но попытки разгадать гомеровскую проблему далеки от моих злоключений. Я оторвалась от брошюры, задумчиво глядя на колышущиеся пальмовые ветви. Чего хочет Бейкер? Решить гомеровскую загадку? Невероятно.

Ему нужна одна из легенд над гробницей. Какая? Возможно, совершенно не та, которую скопировала я. Мне понравился летящий человек, я его и «слизала». А Бейкеру, может, были нужны сражения или походы! Вот так. Думай как знаешь!

Попросила у официанта еще кофе. Молодой турок как-то странно посмотрел на меня, кивнул и ушел. Когда он скрылся за стойкой, я обнаружила, что мой платок свалился с головы. За чтением как-то этого не заметила. Вот досада!

Оставив на столе деньги, я спешно покинула заведение. Не хватало только, чтобы официант вызвал полицию.

Спать хотелось безумно. Не помогал даже выпитый кофе. Все, что мне удалось выкроить за два дня, – три часа сна верхом на ишаке. В парке культуры, ближе к Басмане, я выбрала лавочку поукромнее и устроилась на ней. Сейчас лето, ночи в Турции теплые. Едва закрыла глаза, как тут же провалилась в забытие.

Очнулась я, когда утреннее солнце освещало верхушки парковых каштанов и пальм. Сколько, интересно, времени? Часов пять утра, наверное.

После лавки болели ребра, зато выпалась на славу.

Нужно спешить к башне с часами. Возможно, мой бывший уже ждет. Даже самой приятно, какая я оптимистка!

Я помчалась на площадь Конак. Немного поплутала – все же в Измире только второй день. Когда добралась до места встречи, часы на старинной башне показывали начало седьмого.

Выполненную в арабском стиле башню видно издалека. Она возвышается над городскими кварталами и зеленью южных деревьев. Башня с часами – признанный символ города Измир. Ее знает каждый житель, а каждый турист обязательно бывает возле нее. Но я не удивлюсь, если, прибыв в Измир, Леха Овчинников так и не нашел ее. Одно слово – недотепа.

Лехи нигде не было.

Мой любимый и единственный, с некоторых пор переведенный в категорию бывших любимых и единственных, не появился. Неизвестно, появится ли вообще после вчерашней попойки... Позвонить в Москву еще раз? Позвоню, когда потеряю терпение.

Я опустила на лавочку и только тогда обнаружила, что сижу без платка на голове. Волосы развевались на бодрящем морском бризе, мне было так хорошо, и я совершенно забыла о безопасности.

Пришлось спешно исправить упущение. В этот ранний час людей на улицах немного. Я надеялась, что никто не обратил на меня внимания, несмотря на то, что фотографии развешаны на каждой стене. Пожалуй, если бы сюда приехал Майкл Джексон, его бы рекламировали меньше.

Около половины восьмого людей на площади прибавилось. К прилегающим базарам потянулись торговцы. Овчинников отсутствовал. Пора было спешить к отелю «Хилтон», чтобы вернуть книгу Камалю. Затем опять сюда вернуться.

Через двадцать минут я прогуливалась возле гостиницы. У ее входа застыл строгий швейцар. Камаль предупредил, что лучше не заходить внутрь.

Я прошла мимо гостиницы и встала на углу. До встречи оставалось еще десять минут.

По бульвару неспешно шли два полицейских. Я отвернулась, опасаясь показать им даже краешек волос – настолько мне было боязно. Решив, что они уже далеко, я собралась вернуться к входу...

Чьи-то руки схватили меня за плечи и бросили на стену. Все произошло настолько стремительно, что я не успела опомниться.

- Не двигайтесь, или будем стрелять!

Холодное дуло, уткнувшееся в затылок, исключало любые толкования, кроме одного: где-то я дала промашку.

– Руки за спину!

Полицейские сковали запястья наручниками. Быстро подъехал автомобиль. Не оставалось сомнений, что за мной следили давно и к захвату подготовились основательно. Наверное, кто-то опознал меня возле башни с часами, где я некоторое время бродила с открытым лицом. Вот и поплатилась, деревенская Маша, за свою простоту.

* * *

Полицейский участок, казалось, только очнулся от сна. Дежурный и еще один блюститель порядка круглыми глазами уставились на своих коллег, которые втащили меня в помещение.

Я очутилась в крохотной белой комнате, одну стену которой занимало большое зеркало. По фильмам знаю, что это за зеркало. С другой его стороны скоро соберется толпа любопытных. Хотя сомневаюсь, что Бейкер позволит кому-то быть свидетелем нашей встречи.

Меня не обыскали как следует. Полицейские постеснялись. Прошлись слегка в поисках оружия, изъяли кальку с копией текста и брошюру со статьей Гродина. Но перстень остался висеть на шее, спрятанный между... в общем, надежно спрятанный. Я слышала, как копы обмолвились, что нужно вызвать женщину-полицейского. Наверное, чтобы обыскать тщательнее.

Пока я сидела за столом, а стражи охраняли дверь. Они говорили тихо, но я услышала:

– Его нужно вызвать!

– Не знаю, удобно ли это.

– Он сам просил...

Мне конец.

Сейчас вызовут Бейкера. Неизвестно, в каком районе Турции находится эта тварь, но в течение часа, думаю, будет здесь. На этом сказка закончится, и от сестрицы Аленушки останутся только рожки да ножки.

Минут тридцать сидела в одиночестве, чувствуя изучающие взгляды из-за стекла. Мне это надоело, я повернулась к зеркалу и показала язык. Знаю, что неприлично, но мне стало легче.

Еще через некоторое время дверь открылась, в проеме остановился мощный полицейский, явно ожидая кого-то, чтобы пропустить в комнату вперед себя.

Я напряглась. Вот оно! Бейкер уже в Измире. Приехал почти сразу. Этот стесняться не будет. Засветит под дых и обыщет, как ему хочется.

К моему удивлению, в комнату вошел совершенно незнакомый человек. Турок. С волевым подбородком и тяжелым, неприятным взглядом, от которого так и хотелось спрятаться. Да, Бейкер приехать не смог. Но прислал замену, судя по виду – достойную. Где он набирает таких дуболомов?

Полицейский закрыл дверь, и мы остались в комнате одни, если не считать тех, кто глазел на нас из-за зеркала. Квадратный подбородок буравил меня взглядом, словно собрался просверлить во мне дырку.

– Итак, – начал он неожиданно по-русски. Я замерла, чувствуя себя как минимум виновницей ядерной катастрофы на парочке континентов. – Пыталась сбежать?

Я молчала. Что толку оправдываться, если все равно обвинят во всех смертных грехах, отберут артефакт, а потом расстреляют... или как там казнят в Турции?

– Что же ты молчишь, Алена Овчинникова?

– А что говорить? – пожала я плечами. Он поднялся, упер руки в стол и навис надо мной, словно вампир. Его тень накрыла меня.

– У нас мало времени, – сказал квадратный подбородок. – Не уходи от ответов. Это не поможет. Говори только правду.

Сказано довольно грозно, и он действительно напугал меня. В груди затрепетало.

- Что вы хотите знать?

- С кем из чеченских террористов ты связана в Турции?

Секунды две я ошеломленно смотрела на него, а потом меня разобрал дикий смех. Я смеялась все сильнее, и смех приносил облегчение.

Человек растерялся. Он ожидал от меня чего угодно – истерики, плача, стенаний, но только не заливистого непринужденного смеха.

- Так вы не знаете, почему меня разыскивают? – сквозь смех спросила я.

- Перестаньте немедленно! – Он попытался взять разговор в свои руки.

- Вы и вправду считаете меня террористкой? – Я заливалась смехом и остановиться не могла.

- А ну хватит! – рявкнул следователь и хлопнул ладонью по столу, обрубив мой смех. В этот момент дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился человек, которого я никак не ожидала увидеть.

Глава 5

Автомобили, крыши и боязнь электричества

Я не сразу его узнала. Сейчас он не походил на того интеллигентного и заботливого старичка, каким выглядел вчера. Старец в дверях смотрелся внушительно и властно.

Итак, в дверях стоял Камаль, встретиться с которым возле гостиницы «Хилтон» мне не посчастливилось. В голове мелькнула мысль, что он явился за книгой.

Глупость, конечно.

- Что здесь происходит? – осведомился он. – Как вы смее задерживать невинного человека?

Следователь с квадратным подбородком на миг растерялся, угадывая в прищельце начальника. Более того – начальника над его начальником.

- Эта женщина подозревается в терроризме. Пришел запрос из Интерпола...

Камаль оборвал его:

- Бросьте молот чепуху! Это голословные обвинения!

- Но произошло убийство на побережье... Мы обязаны...

- Вы ничего не обязаны. Здесь имеет место подлог. Эта женщина ни в чем не виновата. Я готов за нее поручиться.

- Извините, а кто вы?

- Камаль Ахмат, первый заместитель министра юстиции Турции!

За последние сутки я здорово продвинулась в разговорном турецком. Поэтому поняла из диалога почти все. На последних словах у меня отвалилась челюсть.

Вот так подобрала интеллигентного старичка, чтобы он взял книгу в библиотеке! Целый замминистра Турции! Дедушка, помню, говорил: у тебя, Алена, губа не дура... То-то Камаль вчера строил логические цепочки!

- Снимите наручники.

Следователь растерянно смотрел на Камалья и хлопал себя по карманам.

- У меня нет ключа, – обреченно произнес он наконец.

- Так найдите его, живо! - рявкнул сердито мой спаситель.

Квадратный подбородок выскочил из комнаты.

- С вами все в порядке? - поинтересовался Камаль.

Я кивнула и произнесла:

- Здесь скоро могут появиться люди, которые убили археологов.

- Вас нужно доставить в безопасное место, а потом будем разбираться с настоящими убийцами... Ага!

Появился следователь и трясущимися руками снял с меня наручники. Я поднялась.

- Вчера вечером я дал указание разобраться в вашем деле, - сообщил Камаль. - Велел выяснить, откуда взялись улики против вас. Да, и еще. Информация о вашем розыске через Интерпол появилась только вчера. Причем запрос сделан не российской, а американской службой безопасности.

- Это Джон Бейкер, - сказала я. - Офицер Интерпола. Он и заварил эту кашу.

- Бейкер? - сощурившись, спросил Камаль. - Я слышал о нем. Он не совсем офицер Интерпола.

- То есть как? - не поняла я.

- Давайте поговорим об этом позже. Нужно поторапливаться.

Перед входом в полицейский участок нас поджидал огромный черный «мерседес». Мой бывший, Леха Овчинников, называет такие «гитлерваген». Говорит, что на «мерине» ездил Адольф Гитлер, поэтому он, честный русский, дед которого был ранен на Курской дуге, никогда не сядет в этот автомобиль. Хорошо быть принципиальным, когда никто тебе ничего подобного и не предлагает.

У меня его принципиальности нет. Я уже собралась сесть в салон, но вдруг вспомнила:

- У них осталась библиотечная книга!

- Бог с ней! - сказал Камаль. - Садитесь быстрее!

Я нырнула на кожаное сиденье в полутемный салон. Впереди громоздился широкоплечий водитель. Наверное, еще и охранник одновременно.

Камаль опустил рядом, захлопнул дверцу и что-то сказал ему. Тот кивнул, автомобиль тронулся.

- Почему мы не остались в полицейском участке? - поинтересовалась я.

- Это ведомство курирует другой человек. Я не могу ему доверять.

- То есть вы хотите сказать, что полицейские продажны?

- Не нужно таких слов, если не знаете ситуацию, - жестко ответил Камаль. Я стушеввалась.

- Извините.

- Извинения принимаются. Так вот, не обязательно, чтобы все полицейские были продажны. Достаточно одного, сидящего в довольно высоком кресле и отдающего выгодные кому-то распоряжения. Эту фигуру еще предстоит вычислить.

- Полагаете, Бейкер заплатил кому-то из министерства внутренних дел?

- Не будем об этом говорить.

За окном мелькнул оранжевый джип. Он пронесся нам навстречу

- Это Бейкер! - воскликнула я и обернулась к заднему окну.

Джип резко затормозил и беспардонно развернулся поперек дороги, прямо на сплошной разделительной линии. Автомобили, которым он перегородил путь, отчаянно загудели. Не обращая внимания на окружающих, джип начал разгоняться.

- Они преследуют нас! - испуганно воскликнула я.

Камаль коротко глянул через заднее стекло.

- Да, действительно. Чувствуют себя как дома.

- Кто это?

- Организация, у которой лучше не становиться на пути.

- Даже вы не можете их остановить?

- Только временно, Алена... Я правильно вас назвал?

- Да.

Я терялась в догадках, но надоедать Камалю в такой ситуации не решалась. Мой спаситель взял рацию.

- Всем постам и патрулям! Говорит заместитель министра юстиции Камаль Ахмат! Мой автомобиль преследует джип фирмы «Дженерал моторс» оранжевого цвета. Приказываю немедленно задержать его!

«Мерседес» летел по залитым солнцем улицам со скоростью не меньше ста двадцати километров в час. Когда мы нырнули в тоннель, я сразу вспомнила гибель принцессы Дианы, и меня охватила легкая паника. Как и я сейчас, она неслась по тоннелю на «мерседесе» в обществе мужчин.

К счастью, тоннель быстро закончился.

Джип не отставал. Рядом слышался резкий вой сирен. Позади джипа появилась пара полицейских автомобилей с включенными мигалками.

Вскоре спецавтомобили окружили оранжевый внедорожник со всех сторон, перекрыв ему дальнейший путь. Что происходило дальше, не знаю. Столпотворение автомобилей быстро исчезло в заднем окне. Только после этого наш водитель сбросил скорость. Пальмы вдоль дороги перестали мелькать сплошной чередой.

- Куда мы едем? - поинтересовалась я.

- В горы. Там есть укромное место, где вы переждете пару дней. Потом переправлю вас в Стамбул, в российское посольство...

Водитель притормозил перед красным светофором. Камаль продолжал говорить, а я смотрела на мужчину в короткой кожаной куртке, который собирался перейти дорогу.

- ...ведь вы лишились всех документов, - продолжал Камаль.

- Что? Ах да!

- Так вот... - Договорить Камаль не успел. Мужчина, переходивший перекресток, повернулся к «мерседесу» лицом. В поднятой правой руке был зажат пистолет.

Я даже не успела взвизгнуть, как грохот выстрелов нарушил утренний покой Измира. С деревьев взметнулась стая попрошаек-голубей.

Пули продырявили лобовое стекло. Тело Камалья содрогнулось пару раз и обмякло. Одна из пуль вошла в правую глазницу, и мне в лицо брызнула кровь.

Камаль не двигался, откинув голову на подголовник. Я нащупала его руку. Пульса не было. Мгновенная смерть.

- Быстро! Из машины! - закричал водитель. Пули пробили лобовое стекло еще в двух местах, но водитель успел пригнуться. Я сидела прямо за ним и почувствовала, как по виску хлестнула горячая волна. Вторая пуля вышибла

заднее стекло.

Водитель открыл свою дверцу и, высунув из салона руку с пистолетом, начал методично нажимать на курок.

– Быстрее! Вон из салона! – кричал он, отстреливаясь.

Человек в короткой куртке упал на тротуар и откатился за деревья. А я только тогда поняла, что знаю его.

Господи, почему я не вспомнила сразу? Это же бородатый Рахим, помощник Бейкера!

– Что же вы медлите? – закричал охранник.

Боже, я все еще сижу в салоне и держу на коленях руку мертвого Камаля! Мне почему-то казалось, что я уже покинула машину.

Охранник прекратил стрелять. Неужели у него закончились патроны?

Словно перехватив инициативу у охранника, открыл огонь Рахим. Пули зазвенели по корпусу «мерседеса». Теперь они били в правый борт автомобиля, разносили боковые стекла. Я упала на пол. Осколки стекла сыпались на меня, словно кусочки дробленого льда. Я протянула руку, нащупывая ручку двери, но все никак не могла найти ее.

Рахим прекратил стрелять. У него тоже обойма не с километр.

Ручку я наконец обнаружила, распахнула дверцу и вывалилась на асфальт автострады. Мы застыли на набережной. Голубое море сверкало между темными стволами пальм. С другой стороны дороги выстроился ряд многоэтажных домов с широкими открытыми балконами. Из некоторых окон выглядывали любопытные лица. Безмозглые! Неужели так охота заработать пулю?

Нам навстречу приближался микроавтобус, и почему-то у меня сразу возникло нехорошее предчувствие по поводу него. Может, потому, что он был ярко-оранжевого цвета?

Кто в банде Бейкера любитель фанты? Сам главарь?

Оранжевая банда Бейкера... Звучит!

– Бегите к домам! – закричал охранник. – Я прикрою вас!

– К нему идет подмога! – воскликнула я, указывая на уже близкий микроавтобус. – Надо бежать вместе!

Он посмотрел на меня чумными глазами, и только тогда я заметила на его рубашке темное увеличивающееся пятно. Да он ранен!

Охранник раскрыл рот, в горле что-то заклокотало.

– Бегите... – выдавил он и перевел дуло пистолета на мчащийся микроавтобус. – Бегите... Мне уже не сдвинуться с места.

Я не хотела бросать его. Эти люди гибнут из-за меня!

Видя это, охранник навел на меня пистолет. При любых других раскладах я бы осталась с ним, но, когда на тебя смотрит огромный вороненый ствол, все мысли о том, как хорошо умереть храбро и мужественно, испаряются куда-то. И я понеслась к домам.

Люди в оранжевом микроавтобусе заметили меня. Оглянувшись, я увидела в открытом боковом окне микроавтобуса дикуую усатую физиономию. Мелькнул ствол автомата. В этот момент распластавшийся возле изрешеченного «мерседеса» охранник открыл огонь. Не по мне, конечно. Меня он только запугивал.

Выстрелы вспороли лобовое стекло микроавтобуса. Автомобиль вздрогнул, его повело вбок. Засвистели покрышки, машина опрокинулась. Раздался удар. Оранжевый перевозчик пролетел по асфальту еще метров десять. Чем закончилась авария, я не успела рассмотреть, потому что налетела на мусорный бак и от сильного удара упала спиной на тротуар. На меня посыпались огрызки яблок, смятые бумажные стаканчики и окурки.

Нужно быстрее подниматься. Сейчас головорезы Бейкера очухаются, выберутся из микроавтобуса и бросятся в погоню. Смертельно раненный охранник Камаля для них не препятствие.

Попыталась вскочить, но не получилось. Ноги запутались в длинном подоле. Я подобрала из урны осколок стекла, вонзила его в материю немного выше коленей.

Сзади раздалась длинная очередь. Охранник мертв.

Просунув пальцы в образовавшееся отверстие, я оторвала подол по окружности. Получилась свободная юбка, длиной чуть выше коленей. Нижний край ее, правда, не очень ровный, но мне не на подиум идти. Главное, теперь я могу быстро передвигаться.

Выпутав ноги из пелен, я побежала в проезд между домами.

– Стой! – закричали сзади. Кричали по-русски. Но с диким акцентом.

– Стой! Стрилат буду!

Что стоять, что бежать – все равно будут стрелять! А угол дома близко.

За спиной загрохотало. Одна пуля просвистела под левой рукой и выбила кусок бетона из стены здания.

Еще пара шагов... Ну все! Временно в безопасности.

На мгновение остановилась, чтобы прийти в себя. Позвоночник словно покрылся ледяной коркой. Не каждый день тебе стреляют в спину. Ощущение круче, чем на отвесной скале.

Кажется, отпустило.

Оторвавшись от стены, бросилась петлять между домами. Надеюсь, что пока турки-головорезы добегут до моей стоянки, я уже скроюсь за следующим углом. Главное сейчас – оторваться от преследования хотя бы на пару минут.

Однако скрыться за следующим углом не удалось. Оттуда вылетел оранжевый джип. Заметив меня, водитель ударил по тормозам, машина встала как вкопанная. Я тоже остановилась.

Куда бежать? Оба пути отрезаны.

Бросила быстрый взгляд на многоэтажку. Уходящая ввысь стена здания оцетинилась лесом открытых балконов. И мне ничего не оставалось, кроме как...

Возле дома стоял припаркованный грузовичок с крытым фургоном. Я взбежала по капоту на крышу кабины, а затем и фургона. До балкона на втором этаже – полтора метра. Сущий пустяк!

Прыжок.

И вот я уже повисла, держась за стальные прутья ограждения. Нельзя терять времени. Я подтянулась и по кованым решеткам, тянущимся до самой крыши, стала взбираться вверх.

Обитатели комнат глазели на меня из окон, не решаясь выйти на балконы. Еще бы! Только что внизу гремела такая пальба! Мне безразличны обитатели дома – туристы или местные жители. Возможно, кто-то узнал террористку, фотография которой напечатана во всех газетах, и радостно сообщал об этом родственникам и соседям.

Больше меня волнуют те, кто внизу. Заполняют переулок, пряча под одеждой оружие.

– Эй, Скальолазка! – раздалось снизу. – А ну слезай!

Как же! Нашли дуру! Я уже добралась до шестого этажа. Быстро получается. Это вам не скала. По балконам лазать – сплошное удовольствие. Где нужно – ступенечка, где требуется – зацеп для пальцев.

– Слезай, Скальолазка! То хуже будет!

Носком ноги я толкнула горшок с маргаритками, покоившийся на перилах балкона седьмого этажа. Горшок полетел словно бомба, прямо в гущу мордovorотов, столпившихся внизу.

Вот вам мой ответ!

Горшок грохнулся, расколовшись о тротуар. Черная земля из него полетела в головурезов. Только после этого они опомнились и стали стрелять по мне. Опоздали, голубчики, я почти у цели.

На крыше здания обнаружила несколько длинных рядов из шезлонгов. Кто-то, видимо, ленится ходить на пляж. Ладно, пусть себе люди отдыхают.

Посреди крыши возвышалась бетонная будка с дверью. Лестница вниз!

Я побежала к двери, но споткнулась и упала прямо в шезлонг. Хорошо, он не развалился, а так бы нос расквасила.

Дверь оказалась не заперта. Я выскочила на крохотную площадку и только собралась броситься вниз по лестнице, как услышала нарастающий топот тяжелых ботинок и отрывистую турецкую ругань. Захлопнула дверь и подперла ручку одним из шезлонгов. Назад пути нет.

Вернулась к краю крыши. Двое громил карабкались по балконам, в точности повторяя мой путь. Чтоб вы свалились!

Дверь вздрогнула под мощным ударом изнутри. Петли едва не выскочили из косяка. Было бы неплохо, если бы бандиты переломали об эту дверь свои руки. Но надеяться на такой вариант не приходится.

Куда же скрыться?

Я подбежала к другому краю крыши и глянула вниз. До земли та же вереница балконов, можно спуститься здесь...

Выстрел заставил отдернуть голову. Да, тут меня ждут. Начну спускаться – подстрелят как перепелку.

С крыши дома уходил пучок проводов. Быть может, спуститься по ним?

Последовал еще один удар в дверь за моей спиной. Я боязливо оглянулась.

Нет, она пока на месте. Держит.

Провода тянулись к столбу, торчащему на другой стороне улицы. Перебраться по ним? Вот беда, я почти ничего не знаю об электричестве. Кроме того, что нельзя пальцы в розетку совать, конечно. Да и как я переберусь? Был бы у меня блок-ролик – другое дело, а так... Признаться, я страшно боюсь электричества. Пусть провода и в изоляции, но все равно боюсь.

Оставалась еще крыша соседнего дома.

Я поглядела туда. Вариант из всех самый поганый. Хотя бы уже потому, что расстояние между домами на глаз не менее пяти метров.

Однажды мне пришлось перепрыгивать пропасть без страховки. Дело было на Кавказе. Спуск размыло дождем, он крошился и рушился от легкого прикосновения. Соседний склон на вид казался крепче. Так вот, там между скалами было три метра. Без разбега. Я перепрыгнула, но страху натерпелась. С тех пор старалась избегать положений, когда ни одна часть моего тела не касается скалы.

Я встала на край.

Здесь пять метров. С разбегом. Соседняя крыша черепичная, а стена под ней – кирпичная, глухая. С черепицей дело плохо – по ней как заскользишь, словно по ледяной горке... И уцепиться не за что.

Позади раздался еще один удар. Дверное полотно жалобно хрустнуло. Следующего удара дверь не выдержит.

Пора решаться.

Я отошла подальше. Не попаду на край черепичной крыши – пиши пропало! Кирпичи в стене уложены плотно, ни одной щелочки строители не оставили.

– Эх! – произнесла я дрогнувшим голосом и побежала.

Вот край крыши в трех шагах...

В одном... Толчок!

Взмыла в воздух.

А ведь людям внизу прекрасно видно, что у меня под юбкой!... Господи, и о чем я думаю в такой ответственный момент!

... Попала на край. Ступни соскользнули с черепицы, и ноги провалились вниз.

Я повисла на руках. Ерунда! Выкарабкаться из такого положения – пара пустяков. Главное, я оказалась на соседнем здании. Теперь попробуйте, достаньте меня!

Закинула ногу на край и перевалила корпус через черепичный лоток – водосток, наверное. Знала бы, на каком здании оказалась, не радовалась бы преждевременно.

* * *

Мой восторг мгновенно улетучился, когда я взглянула на крышу. Покатую черепичную плоскость усеивали трещины, в некоторых местах зияли черные провалы. «Батюшки-светы, аварийный дом». С соседнего дома этого не было видно.

Попробовала шагнуть. Черепица угрожающе хрустнула под деревенской туфлей. Я остановилась, а потаенное шевеление, вызванное моим движением, продолжалось, раскатываясь по крыше...

И куда я по такой поверхности попаду?

За спиной послышался удар. Дверь бетонной будки наконец с хрустом и треском вылетела из проема. На простор вывалилась моя дружная погоня.

– Если хочешь сохранить жизнь, нужно рисковать, Аленушка! – сказала я, подбадривая себя.

Сделала шаг. Целый черепичный пролет между двух стропил провалился в темные комнаты. Раздался грохот.

– Мама, – произнесла я.

Головорезы с соседней крыши что-то орал тем, кто находился внизу. Наверное, меня потеряли. Вы никогда не пробовали кричать с высоты девятого этажа? Забавное занятие. Внизу половины слов не слышно. Ладно, когда мама высовывается из окна и зовет свое чадо к ужину. А тут толпа пустоголовых мужиков, заглушая друг друга, орет что-то и пытается понять ответные крики.

Я быстро двинулась по краю. Здесь стена, черепица держалась крепко, хотя и крошилась под каблуками.

Вот угораздило меня!

Нужно пересечь крышу. Какой толк от того, что я плетусь по периметру? Скоро попаду в поле зрения тех, кто внизу. Они долго раздумывать не станут – сразу начнут стрелять.

Тем временем меня заметили на соседней крыше. Один – самый сообразительный – бросился обратно на лестницу. Второй... Таких идиотов я еще не видела. В каком дурдоме Бейкер их только набрал?

Он разбежался, собираясь повторить мой прыжок. Я отвернулась. Не выношу самоубийств. Сразу видно, что разбег мал, а его коренастая неуклюжая фигура не предназначена для полетов.

Я ошиблась. Но ненамного. До карниза он долетел. Пальцы вцепились в черепицу, тело шмякнулось о кирпичную стену. Надеюсь, физиономия тоже крепко приложилась... Говорю это не со зла, а из особого гуманизма к данной

породе мужиков.

Черепица раскрошилась под его пальцами. Я даже заткнула уши, чтобы не слышать страшного «чввакк!» об асфальт. Потом, правда, кинув взгляд вниз, обнаружила, что чудачку повезло, и он свалился на тент продуктовой палатки, сорвав его и рассыпав по тротуару целый ящик персиков.

Еще один головорез, оставшийся на соседнем здании, выстрелил в меня. То, что не решалась сделать сама, заставил сделать он.

Я быстро легла на крышу и осторожно поползла. Теперь ему не попасть. Но...

Древняя черепица хрустела. Колени и локти то и дело продавливали ее. Провал, устроенный мною, остался чуть выше. Если рухнет участок крыши, по которому я сейчас ползу, падение будет жестким, а еще получу по моей лингвистической головушке целую грудку из падающей черепицы.

Где-то впереди послышался топот. Я подняла голову и обнаружила на другом краю аварийной крыши улыбающуюся харю. Какой-то головорез, самый проворный, решил, что перехитрил меня. Ну-ну, давай! Иди ко мне, милый!

Он сделал шаг... и его фигура исчезла, словно по волшебству. Через мгновение до меня донесся жуткий вопль и грохот черепицы.

- Кто следующий? - осведомилась я.

Шутки шутками, но как бы самой не загреметь подобным образом. Я продолжала ползти, внушая себе, что я пушинка... я мотылек... я ничего не вешу...

Так, где я нахожусь?

Привстала, чтобы оглядеться. Тут же надо мной засвистели пули. Тот черт на соседней крыше не дает поднять голову!

А ведь начинаю привыкать к выстрелам и свистящим пулям. Как бы совсем не потерять осторожность...

За этими мыслями даже не заметила, как меня накрыла длинная тень. Я обернулась и обнаружила, что со стороны фасада на крыше появился бородатый Рахим в своей кожаной куртке.

Как ему удалось взобраться? Да еще с фасада!

- Не двигайся! - воскликнул он на английском.

Его английский не подарок, но понять можно. Помню, как он разговаривал с Бейкером в лагере, стоя над моими сумками.

- Не нужно! Не стреляйте! - закричала я.

- Я тебя живьем зажарю! - прорычал он. Не сомневаюсь, что так и сделает. - Будешь знать, как бегать от нас!

От кого - «от них»? Покойный Камаль, мир праху этого доброго старика, что-то упоминал о мощной Организации, в которой состоит Бейкер. Рахим тоже в ней? Что еще за организация? В какой газете опубликована ее политическая программа?

Озвучить свои вопросы я не решилась.

- Что же мне остается делать, когда вы все время пытаетесь меня подстрелить?

- Не болтай... - Рахим сошел на карниз, и я поняла, как он оказался на крыше. За его спиной вверх вздымалась стрела строительного крана.

Напрасно я называла их тупоголовыми.

- Где предмет, который находился в тайнике?

Этот негодяй застрелил Камалья. Попробую заговорить ему зубы.

- Значит, вы все же забрались на скалу?

– Ты очень непослушная. Женщина не должна быть такой... Я спрашиваю, где предмет? – Он навел на меня пистолет. Я сжалась, ожидая выстрела. К свистящим пулям я привыкла, но привыкнуть к пистолету, смотрящему тебе в лицо, по-моему, невозможно.

– Вот! Вот он! – Спешно сняла с шеи цепочку с перстнем.

Рахим быстро осмотрел предмет, раскачивающийся на цепочке в моей руке.

– Бросай! – приказал он.

Бросила. А что еще оставалось делать?

Перстень покатился вниз по крыше, но застрял где-то недалеко от ног Рахима. Я не хотела, чтобы так произошло. Просто так получилось.

Рахим посмотрел на перстень, а потом прицелился в меня.

– Ты не женщина, – сказал он. – Ты – Сатана в женском обличий. Сатана должен быть уничтожен. Аллах акбар!

И надавил на курок.

Во мне так все и оборвалось. За короткое мгновение перед глазами пронеслась моя недолгая и небогатая на события жизнь.

Прощайте, бабушка с дедушкой! Надеюсь, вы никогда не узнаете, в какую историю меня затянуло.

Прощай, Леха Овчинников! Надеюсь, ты сладко спишь сейчас в московской постели.

Прощайте...

Пистолет издал глухой щелчок.

Вот так! Стоило прощаться с белым светом, когда у Рахима и пистолет не заряжен? Он же выпустил все пули в перестрелке с охранником Камаля!

Вот тебе наука, Рахим! Нельзя стрелять в беззащитных женщин!

Я развернулась и, оттолкнувшись, покатила по скату крыши, сопровождаемая треском черепицы. Вот он, перстень! На расстоянии вытянутой руки.

Рахим понял, что я собираюсь забрать артефакт, отбросил бесполезный пистолет и прыгнул вперед. Если бы он находился на этой крыше столько же времени, сколько торчу на ней я, то поостерегся бы изображать из себя обезьяну...

Черепица, естественно, провалилась под турком. Он все же успел вскинуть руки и зацепиться за крышу.

Его пальцы соскальзывали с ребер черепичной кладки, глаза безумно бегали. Наконец бешеный взгляд упал на перстень, который застрял в трещинке в нескольких сантиметрах от его рук.

Со страшным усилием Рахим оторвал пальцы от черепицы и схватил перстень. В следующий миг помощник Бейкера полетел вниз, унося найденный мною артефакт. Раздался странный чмокающий удар, и крик Рахима превратился в жалобный бессильный стон.

От дыры, в которую провалился бандит, в разные стороны побежали черные, глубокие трещины. Я замерла, боясь шевельнуться. Одна из трещин остановилась в десяти сантиметрах от меня. И только я чуть двинула рукой, она мгновенно перечеркнула крышу до гребня. Черепица обрушилась вместе со мной, но, в отличие от нее, я еще и орала во всю мощь своих голосовых связок.

Глава 6

Кошки, хамам и сукин сын Леха Овчинников

Я пролетела пару метров и свалилась на пол чердака. Хорошо хоть успела выставить ладони и погасить удар.

Увеличивалось яркое окно в своде крыши. Черепица продолжала рушиться, но, к счастью, на безопасном расстоянии. Моя лингвистическая головушка осталась цела.

Я поднялась. Что-то юркнуло в темноте возле ног. Может быть, крыса – я не обратила на нее внимания. Нет – терпеть не могу крыс и панически боюсь их. Просто то, что предстало перед глазами, оказалось более шокирующим, нежели маленькие волосатые грызуны с розовыми хвостами.

В отличие от меня, Рахим упал неудачно. Он напоролся на ножку перевернутой табуретки. Тупая деревяшка пронзила грудь помощника Бейкера, как заостренный осиновый кол пронзает тело вампира.

Я вырвала из его пальцев перстень с цепочкой и отвернулась, не в силах смотреть на агонию человека, пускай и мерзкого.

Глаза тем временем привыкли к темноте, и я обнаружила, что чердак наполнен горящими глазами. Меня сожрут здесь заживо! Я зажала рот, чтобы не закричать.

Под остатками свода пронеслось протяжное: «Минаууу!»

«Кажется, это не крысы, – подумала я. – Крысы не мяукают».

Чердак был забит кошками и котами – серыми, белыми, цветными, полосатыми...

– У вас тут чего, валерьянкой намазано? – поинтересовалась я. Кошачья свора ответила воющей разноголосицей. Мимо ног пробежали несколько мелких котят. Последний задержался и счел своим долгом потереться о щиколотку. От нежного белого пушка, покрывающего тело малыша, сделалось щекотно.

Шут с ними, с кошками... Мне нужно разобраться с людьми.

Под чердаком раздавался громкий топот. Люди Бейкера исследовали старинный дом, заполняли его, словно муравьи. Иногда слышался треск – кто-то, по-видимому, проваливался время от времени – поделом!

Нужно спрятаться. Или сбежать. Но прежде... придется обыскать Рахима.

Терпеть не могу брать чужое. Дед часто говорил, что... Впрочем, ладно. Не сейчас. Что бы он ни говорил, мне нельзя упускать такой шанс. Потому что денег взять больше не у кого, а мертвым они не нужны!

Куртка Рахима оказалась тяжелой, но я не собиралась ее стаскивать. Только прошла по карманам. Ключи мне не нужны... Маленький томик Корана оставим хозяину...

Водительское удостоверение на имя Рахима Эрдема. Право вождения всех категорий автотранспорта...

Деньги... так... около двух тысяч долларов...

Совість рьяно запротестовала. Кусая губы, я не стала возвращать пачку стодолларовых купюр обратно в карман.

Какие-то листки со списками, корешки авиабилетов. Возьму...

В ножнах на поясе висел огромный кинжал. Я сначала вытащила его, а потом вернула обратно. Вряд ли потребуется. Мне его и спрятать-то негде. А понесу в руках – первый же полицейский остановит. Хотя... с моим лицом и так опасно прогуливаться возле полицейских. Ведь я – Алена Овчинникова! Чеченская террористка!

Жалко Камалю. Человек пострадал из-за меня. А из-за чего страдаю я, позвольте спросить? Из-за того, что собиралась выполнить свою работу?..

С чердака вниз вела лестница. Я покинула кошачье общество и спустилась в затянутую паутиной комнату, которая была довольно тесной. Выскочила из нее через дверь и оказалась на лестничной площадке. Широкая лестница, очевидно, вела до первого этажа. По левую руку – старинный лифт; шахта закрыта двумя

створками с металлической сеткой.

Снизу раздавались мужские голоса. Подручные Бейкера исследовали этаж за этажом, комнату за комнатой. Значит, по лестнице не спуститься. Я могла бы попытаться достигнуть земли по наружной стене или по пожарной лестнице, но вряд ли люди Бейкера оставили эти пути без присмотра. Они превосходно знают мои возможности. Стойте! А лифт-то!

Конечно, он не работает, дом отключен от электричества. Кабина небось стоит на первом этаже. Но ведь я могу спуститься по тросу!

Топот и голоса раздавались уже этажом ниже. Головорезы поднимаются, скоро будут здесь.

Над металлической сеткой обеих створок, ведущих в шахту лифта, основательно потрудились паучки и затянули ее такой плотной паутиной, что сквозь нее практически ничего не видно.

Из комнаты, которую я только что покинула, раздался вой. Кошки устроили концерт. Спасибо, ребята. Лучшей сигнализации не придумаешь. Сразу ясно, что кто-то пробирается через чердак. Вот уже слышен скрип лестницы, по которой я спускалась.

Я надавила на ручку одной из металлических створок лифта – та не поддалась. Шаги за дверью приближались.

Меня пробил пот. Я продолжала трясти запор, но створку словно приварили электросваркой. Не может быть, чтобы она была заперта! Тут даже замка нет!

Я наклонилась, чтобы проверить.

Ну точно – нет!

Дверь из комнаты скрипнула, тихо приоткрываясь, и в щели проема показался ствол. Я изо всей силы рванула ручку, и железная створка неожиданно поддалась. Приоткрылась, даже не скрипнув! Я проскользнула внутрь и оказалась на краю шахты. Два стальных троса ныряли вниз, в темноту.

Ухватившись за ближайший и переместив на него вес тела, свободной рукой я затворила металлическую створку. Лязгнула автоматическая защелка. В темном колодце шахты щелчок прозвучал оглушительно.

Из-за сетки, затянутой паутиной, было видно, как преследователь вышел из комнаты. Обнаружил ли мои следы? Он тихо направился к лифту. И я увидела, как ручка на створке начала поворачиваться.

Трос покрывала смазка. Я начала тихо съезжать, не спуская глаз с поворачивающейся ручки.

Она опустилась до конца, одна створка приоткрылась, в темную шахту упал мрачный свет с лестничной площадки.

Он увидит меня!

Трос довольно хорошо смазан, и я ослабила хватку. Сила тяжести понесла меня вниз. Обрезанная до колен юбка раздулась колоколом.

Последнее, что я видела, – высунувшуюся из приоткрытой створки голову. Но силуэт головореза быстро уменьшился и исчез в темноте.

Я сбежала от него!

Теперь нужно притормозить. Спуск слишком быстрый.

Я попыталась сжать трос каблуками, но поняла, что они проскальзывают. Никакого сцепления. Как это отрицательно!

Застоявшийся воздух шахты задорно посвистывал в ушах, а я отчаянно пыталась как-то остановить спуск... да какой там спуск – падение! Дна не видно, темнота кругом. Мой веселенький полет мог закончиться в любую секунду.

Руки лучше не сжимать – только кожу с ладоней сдеру. До скрипа зубов сжала трос подошвами туфель. Попробовала давить каблук в каблук и со смещением. Мышцы на ногах, казалось, лопнут от напряжения. Что-то мне подсказывало, что финиш уже близко. Только вряд ли он принесет радость победы...

Оказалось, что лучше всего сжимать каблуки прерывисто, как в случае, когда тормозишь автомобиль, попавший на скользкий асфальт.

Этот прием помог. Скорость стала падать, но, когда я уже прикидывала, через сколько метров смогу погасить ее до нуля, ноги врезались в крышу лифта.

Приземлилась я с грохотом. Наверное, все в старом доме услышали. Еще бы! Съехать по скользкому канату с девятого этажа!

Попыталась подняться. Колено и правое бедро пронзила боль. Кое-как через верхний люк спустилась в темную кабину, а из нее – на площадку первого этажа.

После загробного мрака лифтовой шахты я радовалась солнечному свету, пробивающемуся сквозь щели в ставнях высоких окон. Здание когда-то служило гостиницей. Это видно по тяжелым деревянным стойкам, ажурному лепному орнаменту на стенах и колоннах... Пять звездочек – не меньше!

Я выглянула через щель в оконных ставнях. Перед входом пусто. Наверное, все бандиты в доме. Однако у Бейкера не так много людей, как я полагала. Ни человека не оставили охранять вход. А может, многие покалечились, лазая по разрушенному дому в поисках русской девчонки-скалолазки?

Так или иначе, нужно пользоваться моментом.

Я вышла через парадные двери и, прихрамывая, держась за плечо, торопливо пересекла улицу, влившись в людской поток.

Народ косился на меня. Что за оборванка, с ног до головы покрытая строительной грязью, посмела забрести на одну из центральных улиц, полную священных туристов?!

Оборванка? Ничего. Посмотрите на меня через несколько часов!

* * *

Из магазина одежды меня едва не вытолкали взащей. Сочли за попрошайку. Благо удалось вовремя сверкнуть зелеными купюрами Рахима, упокой Господь душу этого мерзавца. Я взяла джинсовые шорты и спортивную майку. Долго стояла в отделе дубленок и кожаных курток. Деньги жгли руку. Ужасно хотелось приобрести какой-нибудь симпатичный полушубок. Только что мне с ним делать? На улице – градусов тридцать в тени. Улететь домой пока все равно не удастся. Мой паспорт по-прежнему у милейшего Бейкера.

Утолить жажду, которая называется «купить что-нибудь эдакое», я смогла, приобретя косметический набор и косметичку из коричневой мягчайшей кожи. Вздыхнув свободнее, еще взяла кусок мыла, расческу, лейкопластырь, йод, солнцезащитные очки и соломенную шляпу. Дольше в магазине задерживаться не могла, поскольку продавцы начали коситься, а мне лишнее внимание ни к чему. Узнают еще.

По улице с воем проносились полицейские автомашины, держа путь к набережной. Я поспешила в противоположную сторону.

Жутко интересно было разобраться в бумагах Рахима, но сперва нужно найти укромное место, где я смогу привести себя в порядок и отлежаться несколько часов. В городе поднимется переполох – убит первый заместитель министра юстиции! Не удивлюсь, если снова обвинят... Пресса будет писать, что добрый Камаль освободил чеченскую террористку, а она в благодарность выскочила на ходу из «мерседеса» и изрешетила спасителя пулями... Правдоподобно? Не очень. Но газетчики что-нибудь придумают, а офицер Интерпола Бейкер им поможет... Кстати, Камаль упоминал, что Бейкер не совсем из Интерпола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/sinicyn_oleg/skalolazka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)